

Opozicija "Grad-selo" u romanima "Obična priповijest" i "Oblomov" I. A. Gončarova

Pajduh, Marina

Master's thesis / Diplomski rad

2018

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:339161>

Rights / Prava: [In copyright](#)/[Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-04-20**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Diplomski rad

Оппозиция «город – деревня» в романах *Обыкновенная история* и *Обломов* И. А. Гончарова

Studentica: Marina Pajduh

Mentorica: dr. sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.

Ak. god.: 2017./18.

U Zagrebu, lipanj 2018.

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Diplomski rad

"Urban – rural" opposition in the novels *A common story* and *Oblomov* by I.A. Goncharov

Studentica: Marina Pajduh

Mentorica: dr. sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.

Ak. god.: 2017./18.

U Zagrebu, lipanj 2018.

Содержание

1. Введение.....	5
2. Исторические обстоятельства в середине 19-ого века	8
3. Город как объект мечты.....	11
4. Характеристики деревни	12
5. Характеристики города.....	21
6. Отношение провинциала к городу	23
7. Городской тип человека.....	26
7.1. Пётр Адуев	27
7.2. Андрей Штольц.....	29
7.3. Подтипы городского типа человека.....	32
8. Город как субъект.....	33
9. Тип идеалиста-провинциала.....	34
9.1. Общие характеристики	34
9.2. Трансформация Александра Адуева.....	36
9.3. «Обломовщина» Ильи Обломова.....	41
10. Заключение	55
11. Литература	57

1. Введение

Тема оппозиции города и деревни (провинции) издавна привлекала интерес писателей. Некоторые из них, город связывали с греховностью и преступлением, противопоставляя это ясно организованной жизни в деревне; другие же город изображали как символ просвещённого, модернизированного государства, одновременно связывая деревню с отсталостью (Hansagi 2013: 40-41, 51). В 20-ом веке этой оппозицией активно начали заниматься и социологи, историки и другие исследователи, впоследствии чего образовались отдельные отрасли наук, как например, социология города и социология деревни, которые облегчают понимание литературных произведений, старающихся указать на противоположности городского и деревенского укладов жизни и на влияние города и деревни на характеры героев. Тема оппозиции города и деревни является одной из наиболее частых в стилевой формации реализма, включая русский реализм, которому романтизм начал уступать место ещё в 30-ых гг. 19-го века (Flaker 1976: 151). Отмена этих двух литературных эпох обозначила и отмену двух противоположных мировоззрений – эмоциональность, мечта и бегство в природу уступили место тенденции описания деятельной жизни в городе, связанной с рационалистическим мировоззрением, причём на выбор именно города как места действия повлияли обстоятельства того периода. В России, как подчёркивает Лидия Лотман в своей статье *И.А. Гончаров*, это был период постепенного перехода из системы крепостничества в систему капитализма, период индустриализации и роста городского населения (1982: 162). Это оказало большое влияние на отношения между людьми и на образ жизни вообще, который отделился от традиционных ценностей и обычаев деревенской жизни. Иван Александрович Гончаров, который жил во время указанных общественных изменений, был первым русским писателем, который «сопоставил феодальные и новые, буржуазные отношения через порожденные ими человеческие типы» (там же). Ещё в конце 30-ых гг. 19-го века, когда вошёл в так называемый майковский кружок, Гончаров начал критически относиться к романтическому мировоззрению, иронизируя сентиментальную мечтательность, связывая это с феодальными отношениями, которые он считал устарелыми. В 40-ые гг. Гончаров с кругом Белинского сблизился именно на основе его уверенности в том, что система крепостного права изжила себя (там же: 161-162). Но, новые течения принесли не только

пользу, но и свои опасности. В связи с этим, занимаясь сложными вопросами старины и новизны, традиции и модернизации, идеализма и практицизма, морали и аморализма, постоянства и движения (Недзвецкий 2010: 176), Гончаров в своих романах *Обыкновенная история* и *Обломов* противопоставляет две социально-культурные системы – деревню и город. Описывая, с одной стороны, характеристики деревенско-патриархальной жизни и типа идеалиста-провинциала, а с другой характеристики административно-промышленной городской среды и типа практического деятеля, Гончаров указывает на достоинства и недостатки обоих пространств и к ним относящихся героев. Роман *Обыкновенная история*, написанный в половине 40-ых гг. 19-го века и напечатанный в 1847 году, основывается именно на оппозиции «город – деревня», причём на характеристики этих пространств указывается с помощью двух героев с совершенно противоположными характерами. Эмоциональный мечтатель Александр Федорович Адуев в городе сопротивляется своему рациональному, деятельному дяде Петру Адуеву. С другой стороны, у романа *Обломов*, которого Гончаров писал с 1847 по 1859 год и который был напечатан в 1859 году, есть несколько другая основа. Она включает в себя более широкий вопрос – оппозицию между, условно говоря, застоём и развитием, причём Гончаров ещё в *Обыкновенной истории* делает на это намёки. В *Обломове*, в рамках этой оппозиции, снова сопоставляются деревня и город, и одновременно указывается на то, что понятия «застоя» («отсталости») и «развития» («прогрессивности») могут пониматься по-разному. Следовательно, как первое из них нельзя связывать лишь с деревенским пространством, так второе нельзя относить только к городской среде. Кроме того, надо подчеркнуть, что в *Обломове* противоположными являются не характеры главных героев, а их образы жизни (Недзвецкий 2010: 75) – образ жизни Ильи Ильича Обломова, связывающийся с неподвижностью, пассивностью и мечтательностью, и образ жизни его близкого друга Андрея Ивановича Штольца, основывающийся на постоянном движении и труду. Гончаров, действительно, занимается вневременными вопросами о трудности приспособления к новым обстоятельствам, об одиночестве и отчуждении, о стремлении совершенствоваться, о потребности отказаться от того, что человека лишает возможности развиваться, но и о важности сохранить свою личность и индивидуальность. Описывая жизненный путь четырёх главных героев, Гончаров старается ответить именно на данные вопросы, причём, действительно, указывается на влияние деревни и города на характеры

героев, но также подчёркивается, что человек, вообще говоря, сам является ответственным за собственную жизнь, свои решения и пропуски.

2. Исторические обстоятельства в середине 19-ого века

В середине 19-ого века, как утверждает Наталия Гузь в своей монографии *Художественный мир романов И. А. Гончарова*, в русской литературе действительно замечается тенденция изобразить многообразные типы, в описании и соотношении которых исследуется социальная структура русского общества и процесс исторического развития России. Сопоставлением двух основных типов в *Обыкновенной истории* и *Обломове*, Гончаров выражает своё понимание тогдашней русской действительности, воспринимая её именно как смену двух миров. Это представлено тем, что социальный тип патриархального помещика в деревне начинает уступать место типу буржуа-предпринимателя в городе (2008: 55).

Такой путь развития русского общества, который включал в себя начало сумерок барско-феодального уклада жизни и постепенный рост капиталистических отношений, Гончаров считал исторической и социальной закономерностью, которой Россия была должна подчиниться (Лотман 1982: 162). Вообще говоря, в 19-ом веке изменения на социальном, научном и техническом планах ускорились, причём сама Россия не осталась вне этого процесса (там же: 178). Её охватили изменения, направленные к более выраженному открытию этой страны к Западу и к достижениям западной цивилизации, начало чего можно несомненно отнести ещё к периоду Петра I. Уже в конце 20-ых годов 19-ого века в России началось угасание усадебной жизни, когда многие стали покидать деревню. Среди них был и сам Гончаров, что свидетельствует о присутствии автобиографических элементах в его двух романах. Отъезд молодых людей из провинции в столицу, где они, прежде всего, вступали в гражданскую службу как разнородные чиновники, стал ещё чаще в середине 19-ого века, когда Гончаров решил создать *Обыкновенную историю* и *Обломова*, в основе которых лежит именно тематика переезда из деревни в город и разрушения деревенского уклада жизни, включая отсталое мировоззрение, связанное с таким укладом (Гузь 2008: 103, 207; Царикаева 2007, эл. ист.).

Собственность на землю, которая столетиями считалась самой важной, постепенно переставала быть одним из основных источников богатства и показателем мощи и положения человека в обществе. В связи с этим, надо подчеркнуть, что большая часть русского провинциального дворянства была небогатой, но традиция феодально-крепостнического права, которая включала жизнь за счёт земли и труда на ней крестьян,

укоренила в этом дворянстве сознание о своём исключительном положении, которое в рамках процесса модернизации трудно было изменить (Царикаева 2007, эл. ист.). Столь же трудно провинциальным помещикам было понять и принять, что их изоляция дошла до своего конца и что модернизация охватит и их деревни, причём заставит мир провинции измениться. В невозможности рассчитывать на стабильный доход с имения, мелкие помещики в 19-ом веке всё больше беднели, не разбираясь в ведение имения и его экономику и оставаясь неспособными на приспособление новым течениям и потребностям рынка (Лотман 1982: 184). Кроме того, отъездом молодых людей из провинции, следовательно, увеличилось и число пропавших имений, а те имения и деревни, которые сохранились, строением дорог приблизились городам.

Центр жизни переместился в город, где в рамках процессов индустриализации и урбанизации развивались новые капиталистические отношения, включая в себя «буржуазное предпринимательство с присущим ему денежно-количественным подходом к ценностям» (там же: 162). Кроме развития промышленности, предпринимательства, торговли и науки, значительно увеличилась и бюрократическая масса. Большое количество разнородных чиновников оказало влияние на критическую оценку городов, с которыми связывалась «тенденция к выравниванию личностей» (там же) и потеря морали.

На творчество Гончарова, несомненно, повлияли обстоятельства того периода. Переход всех четырёх главных героев в анализируемых нами романах Гончарова – Александра Адуева, Петра Адуева, Ильи Обломова и Андрея Штольца – из провинции в город соответствует уже упомянутому историческому факту о переходе молодых провинциалов в город в середине 19-ого века. Как мы увидим потом, в обоих романах указывается на отсутствие интереса и неспособность помещиков заниматься улучшением своих имений, что, действительно, приводит к их отсталости и краху. Кроме того, Гончаров ясно выражает то, что деревни строением дорог теряют свою изолированность, чем постепенно уничтожается усадебная, патриархально-помещичья жизнь и мировоззрение, связанное с ней.

Особенно интересным является изображение в романах развития раннего капитализма и типа человека, относящегося к новым экономическим обстоятельствам. Пётр Адуев, герой *Обыкновенной истории*, является чиновником-предпринимателем. Это соответствует тому, что ещё в «20-30-ые годы бурно растёт бюрократический аппарат

самодержавия, пополняющийся в огромной массе своей молодыми людьми, приезжавшими из провинции в столицу [...]» (Гузь 2008: 66). Кроме увеличения бюрократии, доказательством новых течений в стране можно считать и положение издано в 1827 году, на основе которого дворянам, носителям феодальной системы, допускалось основывать в городах фабрики и заводы. Но, в то время, когда Гончаров пишет *Обыкновенную историю*, у чиновников всё ещё не было достаточно опыта для предпринимательской деятельности, и только некоторые из них решали завести свои предприятия, которые в этом периоде промышленного переворота и перехода от мануфактуры к фабрике, были невеликими, но число которых быстро росло. Пётр Адуев и его небольшой фарфоровый завод, следовательно, принадлежат частично тому времени становления русского капитализма, но предвещают и несколько поздний период, когда заводчиков и заводов стало больше (там же).

Так как *Обломов* написан около десятилетия после первого романа Гончарова, образ Андрея Штольца связан с поздним периодом, «когда русский капитализм окреп и ему стало тесно в рамках одного предприятия, одной страны» (там же). Это ясно представлено действиями Андрея Штольца, который часто, в качестве агента и акционера одной торговой компании, уезжает за границу. Акционерные общества начались расширяться именно в середине 50-ых годов 19-ого, в то время как представители молодой буржуазии своими путешествиями за границу пытались расширить рынок и установить новые деловые контакты (Гузь 2008: 66-67). Как и в случае первого романа, так и в случае второго, в периоде, когда Гончаров пишет *Обломова*, вышеприведённые явления всё ещё только начали развиваться. Поэтому можно заключить, что Гончаров в анализируемых произведениях описывает обстоятельства того периода, в котором он пишет, но также, как сам Гончаров об этом сказал, «несколько опережает историческую реальность» (цит. по Лотман 1982: 164) и изображает и те части процесса капиталистического развития страны, которые произойдут потом.

Признаки нового времени или, так называемого, «века железного» (там же: 170) усилились после того как в 1861 году было отменено крепостное право, хотя элементы феодально-крепостнической системы сохранились лишь до конца Русской Империи и существовали вместе с принявшими новыми течениями, создавая своеобразную амальгаму (Гузь 2008: 103).

3. Город как объект мечты

В связи с перечисленными показателями перемены, которая произошла в середине 19-ого века, не является случайным, что Гончаров выбрал именно Санкт-Петербург основным местом действия в обоих романах. Петербург считался синонимом «нового, европеизированного [...] буржуазного общества» (Лотман 1982: 164), он был «рассадником новизны» (там же: 165), и тот нарастающий город, столица искусства, науки, образования и карьеризма, привлекал молодых провинциальных дворян, которые отправлялись туда с заранее сформировавшим о нём взглядом в поисках славы, удачи, счастья и комфортной, лёгкой жизни, к которой привыкли.

У главных героев анализируемых нами романов есть несколько различное отношение к отъезду в город, но их уверенность в том, какой является жизнь в городской среде, можно считать сходным в основных своих элементах.

Главному герою *Обыкновенной истории*, Александру Федоровичу Адуеву, которого в начале романа читатель встречает в деревне, надоела деревенская жизнь. Ему надоела теплота собственного дома, постоянная опека матери, и все знакомые вещи и лица он хотел заменить неизвестным, неопределённым будущим. Его захватили мысли об эскапизме, он мечтает о городе как «обетованной земле» (Войводич 2014: 194). Считая город лучшим вариантом деревни, Александр Адуев возвышает его как идиллическое место, в котором несомненно осуществится его фантазия о достижении успеха, славы, счастья, его фантазия о профессии писателя. Хотя при уходе из деревни ему было трудно, и он «смотрел, пока можно было, из повозки назад» (Гончаров 2003: 73), Александр Адуев верил в блестящее будущее в Петербурге. Можно сказать, что его картина идеального мира частично связана с реальностью, т.е. основывается на ней (Пинженина 2011: 86). Город является пространством, в котором существует больше возможностей для успеха, чем в провинции. Кроме того, Петербург действительно был центром искусства, в котором художникам в прошлом удалось прославиться своим талантом. Но, из-за своей наивности, Александр Адуев не понимает, что это скорее исключение, чем правило. Поэтому он испытал разочарование – его фантазия о городе разрушилась, и он отметил, что скорее деревня похожа на обетованную землю, чем город.

В отличие от Александра Адуева, главный герой *Обломова*, Илья Ильич Обломов, о жизни в городе не мечтал и даже в юности считал не город, а деревню идиллическим

местом, что ещё больше усилилось после того как приехал в Петербург. О его приезде в столицу читатель узнаёт с ретроспективной точки зрения, поскольку Илья Обломов в начале романа уже двенадцать лет там живёт. Хотя город никогда не являлся объектом его мечты, он думал о своём назначении в мире и, после того как несколько лет неохотно учился на Московском университете, он, как и многие другие, отправился в Петербург.

Тогда «[...] ещё он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы и от самого себя; все готовился к поприщу, к роли – прежде всего, разумеется, в службе, что и было целью его приезда в Петербург. Потом он думал и о роли в обществе; наконец, в отдалённой перспективе, на повороте с юности к зрелым летам, воображению его мелькало и улыбалось семейное счастье» (Гончаров 1979: 52).

У него, как и у Александра Адуева, был определённый взгляд на то, что его ожидает в городской среде и, можно сказать, что и Илья Обломов идеализировал её. Как Александр Адуев полностью был уверен в то, что в Петербурге достигнет успеха и славы, так Илья Обломов вообще не подвергал сомнению то, что с минимальными усилиями ему удастся осуществить свои замыслы «о выдающемся положении и на официальном, служебном поприще и в жизни петербургского дворянского общества» (Лотман 1982: 182), не делая при этом почти ничего конкретно полезного, чтобы того добиться. Конечно, не является удивительным то, что и Илья Обломов останется разочарованным.

Основная причина их неподготовленности к жизни в городе было воспитание в совсем иной, деревенской среде. Окружены любовью и добродушием и воспитаны «среди кротких и тёплых нравов и обычаев родины, переходя [...] из объятий в объятия родных, друзей и знакомых» (Гончаров 1979: 52), они с раннего детства привыкли к таким отношениям и считали, что отношения в городе будут такими же. Им сначала непонятно, что город является миром с совсем другой системой ценностей и с иными нормами поведения в сравнении с деревенской средой, из которой они вышли.

4. Характеристики деревни

В обоих романах можно ясно выделить противопоставление, которое является важным элементом характеристики главных героев и которое определяет ход событий, вникая в одну из существенных проблем середины 19-ого века – проблему «застоя» и «развития».

Речь идёт об оппозиции «город – деревня», которой в рамках этой проблемы посвящается особое внимание.

В *Обыкновенной истории* деревня Грачи и Петербург находятся в постоянной оппозиции и эти два пространства не могут описываться без их сопоставления и противопоставления (Войводич 2014: 192-193). Можно сказать, что Анна Павловна, мать Александра Адуева, является настоящим символом провинции, т.е. маленькой деревни, а деревня сама по себе представляет собой фигуру матери. У Анны Павловны и провинции, действительно, есть одни и те же качества: материнская любовь, как и деревня со своей природой и простой жизнью, обладает теплотой, защитой, добротой. Благодаря своей способности к нежности и безусловной любви, мать всегда занимала центральное место в воспитании и взрослении детей. Деревня возникла именно на основе этих характеристик матери, став коллективным местом для ухода за детьми (Mumford 1968: 14). Само название деревни в анализируемом нами произведении, напоминающее птицы грачи, у которых своё гнездо, как будто указывает на деревню как место уюта и опеки (Войводич 2014: 194), и подчёркивает её женское начало. Но, в таких условиях, ребёнок, становясь молодым человеком, защищён от реальности, ему непонятна жестокость жизни вне этого пространства, особенно в городской среде. Он ожидает такую же лёгкость и простоту, к которой он привык. Мать Александра Адуева понимает свои ошибки лишь в день, когда её единственный сын отправляется в Петербург, которого она даже называет «чужой стороной» (Гончаров 2003: 79). Испуганная воображением своего неопытного сына в городе, она старается его отговорить ехать. «Ты думаешь, там тебе такое же житье будет, как здесь! [...] Бог знает чего насмотришься и натерпишься [...]» (там же: 57). Значит, соответственно своей роли защитника, мать, которая «любит без толку и без разбору» (там же: 59), продолжает бороться за благополучие сына, привыкшего к успеху и думающего, что такая же жизнь ожидает его везде. Её бесчисленные молитвы, основывающиеся на желаниях, чтобы её сын был счастливым и здоровым, не свидетельствуют только о материнской любви и заботе, а также являются показателем важности религиозной жизни и христианских ценностей в деревне (Гузь 2008: 20, 43), где и страх перед Богом определял, как надо жить. Кроме молитв Анны Павловны, её письмо, отправленное Петру Адуеву, также выражает характеристики среды, в которой заботливость пронизывает отношения между людьми. В связи с этим, письмо включает ряд просьб, относящихся к

нежному поведению дяди к племяннику, которое от него почти же и ожидается. Характер деревни чётко проявляется и на прощании с Александром Адуевым, когда все члены хозяйства вместе с соседями собираются и утешают друг друга. Даже друг Александра Адуева издалека приехал, чтобы проститься с ним. Такая тёплая, неформальная атмосфера, близкие отношения между соседями и яркие переживания, исходят именно из женского начала, которым деревня обладает.

В романе *Обломов*, который на самом деле является более сложным романом, деревня Обломовка противопоставляется даже всему остальному (Гузь 2008: 27), в том числе особенно городу как совершенно другому миру. На самом деле, в *Обломове* картина деревенской среды и образа жизни, описанная в *Обыкновенной истории*, ещё более пополняется. Рисуется там более подробно некоторые уже упомянутые мотивы и приводятся определённые новые характеристики, которые помогают читателю лучше понять закономерности деревенской среды и поведение героев, вышедших из неё. Можно заметить, что Обломовка описывается как «более радикальный» вариант деревни Грачи, у чего есть своя причина. В *Обломове* усиливаются, прежде всего, те качества деревни, которые отрицательно влияют на героя, воспитанного в деревенской среде, и которые затрудняют его приспособление другим жизненным обстоятельствам.

Основным источником описания деревни и, вместе с тем, тех условий, которые оказали большое влияние на формирование характера главного героя, является в *Обломове* девятая глава первой части романа, названной *Сон Обломова*. В связи с этим, надо сразу отметить несколько элементов, важных для понимания самого характера этой центральной главы романа. Хотя, действительно, речь идёт о сне или, как замечает Ангелика Молнар в своей монографии *Поэзия прозы в творчестве Гончарова*, об одном конструкте (2012: 220), сон Ильи Обломова, в котором главный герой, как маленький Илюша, возвращается в родную Обломовку, основывается на реальном пространстве, связанном с прошлым, где он в детстве и юношестве жил. Поэтому, несмотря на тот факт, что Обломовка, которую Илья Обломов несомненно в своём уме идеализирует, усиливая те элементы, которые он считает положительными, во сне и в его мечтах превращается в ментальное пространство, в рамках этого сна можно также выделить те бытовые реалии, которые являются неотъемлемой частью патриархально-деревенского уклада жизни (Гузь 2008: 133, 135,

182). В конце концов, у снов часто есть опора на том, что реально существует и на том, что человек в действительности прожил и почувствовал (Фрейд, эл. ист.). Также надо отметить, что, хотя Илья Обломов идеализирует родной край, деревня, как одна изолированная, закрытая среда, сама по себе действительно отличается, в определённой степени, характеристиками идиллии.

Основная характеристика деревенской среды, которая упомянута в описании деревни Грачи и которую можно чётко выделить ещё более на основе описания Обломовки, это изолированность её от всего остального мира. Это является коренным условием к появлению, укреплению и сохранению всех других элементов деревенского уклада жизни (Молнар 2012: 232). Разрушение изоляции одновременно означало бы и разрушение этого уклада, о чём намекается в конце *Обломова*.

Один из элементов, который выходит из изолированности деревни и который надо подчеркнуть, это «циклическое время земледельческого и религиозного календаря» (Гузь 2008: 124), относящееся к пониманию жизни как монотонного круга ритуальных событий. Жизнь основывается на культе повтора, на обычаях и обрядах, с помощью которых измеряется течение времени (Недзвецкий 2010: 103, 107; Гузь 2008: 124). В соответствии с этим, в *Обломове*, как основные церемониальные события в жизни, приводятся три акта: рождение детей, свадьба и похороны, и человек с самого начала знает, как будет выглядеть его жизнь. Всё это узко связано с повторением образца существования, выработанного предками, поскольку положительным считалось только то, что было закреплено традицией, в то же время как жители всё остальное считали враждебным (Недзвецкий 2010: 102-103). «Норма жизни была готова и преподана им родителями, а те приняли её, тоже готовую, от дедушки, а дедушки от прадедушки [...]» (Гончаров 1979: 116). Такой образ жизни включает в себе покорность судьбе (Гузь 2008: 26) и отгораживание от любых изменений, причём с детства старается укрепить в человеке страх от всего нового и чужого, и в нём появляется постоянная боязнь нарушить что-то в традиционном течении жизни. Жители Обломовки довольны тем, что ведут самодостаточную, замкнутую жизнь и не нуждаются ни в чём, что является частью внешнего мира (Недзвецкий 2010: 102). Никакие новости до них не доходят и «не с чем даже было сравнить им своего житья-бытья: хорошо ли они живут, нет ли; богаты ли они, бедны ли; можно ли было чего ещё пожелать,

что есть у других. Счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно и не может быть, уверенные, что и все другие живут точно так же и что жить иначе – грех» (Гончаров 1979: 99). Об отношении обломовцев ко всему, что является новым, странным, чужим свидетельствует несколько примеров, приведенных во *Сне Обломова*. Когда однажды обломовцы нашли незнакомого человека в канаве, все сразу возмутились и создали представление о том, что тот человек является каким-то чудовищем. Второй пример касается письма, которое Обломов старший, отец Ильи Обломова, получил и которое «пролежало бы там годы, если бы не было слишком необыкновенным явлением и не взволновало умы обломовцев» (там же: 128). Письмо они прочитали лишь на четвёртый день, а ответа отправитель письма, может быть, никогда не получил. Можно заключить, что какие-либо новости у обломовцев пробуждают не любопытство, а возмущение и страх.

Связь деревни с прошлым, древним, традиционным, и её отдалённость от современного, рационального понимания мира и его явлений показывает ещё одна её характеристика. Это вера в сверхъестественное – в мифы, приметы и сказки (Недзвецкий 2010: 101). На это указывает тот факт, что жители деревни не только физически, а и своим умонастроением и культурой отдалены от остального мира. У них есть мифологические представления о мире, происходящие именно из изоляционизма деревни и уклада жизни, в основе которого находятся элементы архаичности. Следовательно, их знания о том, что находится вне их маленького мира, основываются на фантазии, домыслах (Строганов 2011: 40) и устных преданиях, которые столетиями переносились с поколения на поколение.

Обломовцы «[...] слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, тёмный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми с двумя головами, великанами; там следовал мрак – и наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю» (Гончаров 1979: 99).

Соблюдение примет также указывает на большую важность сверхъестественного в жизни жителей деревни. Сама вера в приметы способствует такой жизни, которая, в рамках традиционной культуры, становится обрядовой и циклической (Строганов 2011: 41). На понимание мира в сознании жителей деревенской среды влияют и сказки и разные народные предания, повествующие о демонах, мертвецах, феях, чудовищах, силах

природы. В Обломовке не только в детстве, а и в зрелом возрасте, верили всему этому, что показывает силу народных преданий в замкнутой деревенской среде, в которой такие предания оказывают существенно влияние на развитие ошибочных представлений о мире (там же: 42-46). Несмотря на веру в Бога, которая в деревне, как уже упомянуто выше, была важным элементом, можно заключить, что фольклорные обычаи там также в большой степени сохранились. Значит, деревня как особенный микрокосмос, может несомненно быть хорошим источником исследования народной культуры и фольклора.

С народной культурой связана следующая характеристика деревенской среды, которая относится к важности еды, бытовой реалии, которая занимала особое место в ежедневном ритме жителей деревни (Гузь 2008: 89). Гончаров ещё в *Обыкновенной истории* объясняет, сколько внимания жители деревни посвящают еде, считая её не только основой сохранения крепкого здоровья, а и главным признаком проявления гостеприимности (там же), но в *Обломове* еда получает даже сакральный характер (Молнар 2012: 245). «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. [...] Какие мёды, какие квасы варились, какие пироги [там] пеклись [...]!» (Гончаров 1979: 105). Пирог, как часть деревенского быта, стал в *Обломове* даже символом той жизни, к которой Илья Обломов стремится (Недзвецкий 2010: 28), что подчёркивает неотделимость деревенского уклада жизни от еды. Хотя еда действительно связана с положительными признаками, поскольку она объединяет членов семейства, соседей и друзей, она в рамках деревенской среды получает и негативные характеристики. Еда возвышается как цель и смысл жизни (Гузь 2008: 90), причём избыточность еды и неумеренность в неё в христианской системе ценностей понимаются как грех. С мотивом еды тесно связан мотив сна, у которого также есть сакральный характер (Молнар 2012: 245). Но, в связи с этим мотивом в описании Обломовки надо быть осторожным. Во *Сне Обломова* речь идёт не только об идеализации деревни, но и о критическом отношении автора к ней, что включает обобщение и радикализацию картины деревенской среды. Поэтому, в определённых случаях надо различать жителей Обломовки вообще, в которых включены крепостные крестьяне, от обитателей дома Обломовых, которые относятся к сословию бар. Другими словами, некоторые характеристики деревни связаны со всеми её жителями, в то время как другие связаны, в первую очередь, только с барями, что, в рамках нашей работы, нас особенно интересует. Мотив сна является одной из этих характеристик. После обеда «[...] в

доме воцарилась мёртвая тишина. Наступил час всеобщего послеобеденного сна. [...] Это был какой-то всепоглощающий, ничем не победимый сон, истинное подобие смерти» (Гончаров 1979: 106). Так описывается характер сна, который овладевает обитателям дома Обломовых в своём прямом значении, но и в переносном значении, поскольку их образ жизни отличается пассивностью, неподвижностью, отсутствием больших забот и движений души (Недзвецкий 2010: 21; Гузь 2008: 129). Сон, как символ покойной жизни, в действительности вряд ли относился к крестьянам, жизнь которых отличалась ежедневным физическим трудом и экзистенциальными заботами. Во *Сне Обломова* физический труд крестьян упоминается, но трудности их жизни не описываются, поскольку идеализированное изображение деревни охватывает всех её обитателей. Несмотря на то, ясным является, что в деревне основные заботы касались именно базовых физиологических потребностей. В то время как крепостные крестьяне не могли думать ни о чём другом, помещики, может быть, ни о чём другом думать не хотели, причём царствование культа еды и сна, вокруг которых вращалась повседневная их жизнь, доводит нас до отношения помещиков к труду и образованию.

Стагнационность деревни можно связать именно с отношением помещиков к труду и образованию, поскольку их образ жизни и мировоззрение указывают на негативный взгляд на эти вопросы, что, следовательно, под влиянием старших поколений, переносилось на новые поколения, порождая искаженное понимание важности просвещения и любых видов деятельности. В *Обломове* Гончаров ясно описывает, что дух перемены в рамках процесса модернизации, дотронулся в середине 19-ого века до деревенского мира, но жители деревни, в первую очередь именно помещики, весьма подозрительно относились к тому. «Пословица: *ученье свет, а неученье тьма*, бродила уже по селам и деревням вместе с книгами, развозимыми букинистами. [...] Стали носиться зловещие слухи о необходимости не только знания грамоты, но и других, до тех пор не слышанных в том быту наук» (Гончаров 1979: 132). Сами родители Ильи Обломова своим знанием не отличались много от крестьян – все они были малообразованные (Недзвецкий 2010: 201), но приобретение диплома стало важным, чтобы человек мог получить чины и деньги, и небогатых помещиков это привлекло. Значит, с одной стороны, они не стремились к выходу из рамок своего мира и старались сохранить его в неизменном виде (Молнар 2012: 212), но, с другой стороны, они хотели извлечь выгоду из новых

обстоятельств, не понимая, что образование и служба включают готовность к труду. Так и родители Ильи Обломова хотели, чтобы лёгким путём их единственный сын достиг успеха.

Обломовы «[...] понимали выгоду образования, но только эту очевидную выгоду. О внутренней потребности ученья они имели ещё смутное и отдалённое понятие [...]. Они мечтали и о шитом мундире для Ильи, воображали его советником в палате, а мать даже и губернатором; но всего этого хотелось бы им достигнуть как-нибудь подешевле, с разными хитростями [...], чтоб только соблюсти предписанную форму и добыть как-нибудь аттестат, в котором бы сказано было, что Илюша *прошёл все науки и искусства*» (Гончаров 1979: 133).

Такое мировоззрение обитателей усадьбы, как утверждает Гузь, можно отнести ещё к указу Екатерины II о необязательности для дворян государственной службы, что в их сознании ещё более усилило понимание их исключительности, которое складывалось веками. Они обладали высшей степенью личной свободы, у них не развилось ощущение долга общественного и государственного и, в связи с этим, не развилась приверженность к труду, в том числе и к ученью. Но, небогатым помещикам нужно было заниматься экономическими вопросами, поскольку только путём успешного ведения поместья они могли сохранить свою автономность (2008: 102). Те помещики, которые заниматься этим не умели и не хотели, беднели, причём, наверно, многие среди них с началом процесса модернизации, подобно Обломовым, «[...] глухи [...] были к политико-экономическим истинам о необходимости быстрого и живого обращения капиталов, об усиленной производительности и мене продуктов» (Гончаров 1979: 121). Новое время принесло новые требования, к которым помещики не могли привыкнуть. Они хотели продолжить жить прошлым, и в сохранении своих привилегий, своей исключительности, своей изолированности, некоторые из них наверно обрекли свои усадьбы на пропасть. Они считали, как и Обломовы, что «[...] труд, за счёт которого должен, [...], в полном довольстве существовать барин, – доля и долг крестьянина» (Лютман 1982: 181). Здесь, в первую очередь, речь идёт о физическом труде, т.е. труде, который от человека требует постоянного движения и физических усилий. С другой стороны, помещики, согласно своему положению, занимались, прежде всего, умственным трудом. Так как в *Обломове*, как уже нами упомянуто, изображение деревни и помещиков в определённых элементах

является «радикальным», рисуется там крайне отрицательное отношение обломовцев к любому труду, и физическому и умственному. «Они сносили труд как наказание, наложенное ещё на праотцев наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным» (Гончаров 1979: 115). В романе описывается, что у всех были их занятия, причём ясно иронизируются занятия Обломовых, которые были почти на уровне придуманных. Отец Ильи Обломова сидит у окна и задаёт бессмысленные вопросы дворовым людям, в то время как мать Ильи Обломова даёт указания слугам, что делать в хозяйстве, и гуляет по саду, где только смотрит, что делается (Гузь 2008: 91). На отсутствие готовности к любому виду труда хорошо указывает один эпизод в *Обломове*, когда во *Сне Обломова* описывается обрушение одной части галерей в доме Обломовых. Тогда все возмутились и стали думать, что надо делать, но каждое из принятых решений было только частичным и временным, что служит доказательством пассивности хозяев и их нежелания трудиться. Кроме того, у этого эпизода есть и своя символика, поскольку обрушение части галерей символизирует и распад уклада жизни, связанного с Обломовкой или, вообще говоря, с деревней, в то время как нежелание Обломовых обновить галерею свидетельствует о нежелании покинуть уклад жизни, который связан с их предками.

Уже упомянуто нами, что деревню можно связать с женским началом. В оба романа это относится к обстановке крайней заботливости и защищённости, в которой все делают всё, что Александру Адуеву и Илье Обломову нужно для осуществления комфорта, не допуская им быть самостоятельными (Мэла 2011: 32). Главные герои в семейной среде находятся в центре, и жизнь всех обитателей усадьбы вращается вокруг них. Женское начало деревни, прежде всего, относится к слепой любви матерей, осыпавших Александра Адуева и Илью Обломова нежностью, но в *Обломове*, оно ещё более усиливается, поскольку связано также с опекой няни, которая целыми днями не отрывалась от Ильи (Гузь 2008: 26; Пинженина 2011: 86-87). Так как Гончаров в *Обломове* усиливает характеристики деревни по отношению к *Обыкновенной истории*, не является странным, что маленький Илья Обломов ещё более подавлен постоянной заботливостью всех обитателей дома Обломовых, что отрицательно повлияло на его характер и на его будущее, сделав его ещё более неготовым к самостоятельной жизни в городе.

Когда речь идёт о деревне, надо что-то сказать и о природе, поскольку природа является неотъемлемой частью, связанной с деревенским укладом жизни. В оба романа природа прежде всего отличается положительными характеристиками, и на основе её описания усиливается превосходство деревни над городом в сознании главных героев. Но, здесь есть разница. В то время как Александр Адуев город связывает с закрытостью, а деревню и её природу с открытостью и свободой, Илья Обломов, как замечает Пинженина в своей статье «*И утопия-то у тебя обломовская...*»: мечта об обломовском мире в романе И.А. Гончарова «*Обломов*», закрытое пространство связывает с Обломовкой, подчёркивая в своём понимании деревни и природы качества замкнутости и защищённости (2011: 86). Но, природа в сознании обоих героев действительно приобретает положительный характер, что особенно усиливается в *Обломове*. Во *Сне Обломова* идеализация охватывает и изображение природы, в описании которой используются олицетворение и уменьшительные слова, чем как будто подчёркиваются добродушие, заботливость и любовь природы к человеку. Небо крепко и с любовью обнимает землю, солнце ярко светит, река весело бежит, зима является нежной, грозы там не страшны. Всё это связано с представлением деревни как земного рая, резко отличающегося от, по мнению Александра Адуева и Ильи Обломова, враждебного города.

5. Характеристики города

В *Обыкновенной истории* и *Обломове* город как особенная жизненная среда описывается с помощью трёх основных способов. Первый из них относится к впечатлению Александра Адуева и Ильи Обломова, провинциалов, приехавших в Петербург и разочаровавшихся в него, причём в третьей части данной работы *Город как объект мечты*, мы уже описали их понимание города перед тем, как туда приехали. Второй способ связан с образами Петра Адуева и Андрея Штольца, также провинциалов, приехавших в Петербург, но адаптированных к городскому укладу жизни и к обстоятельствам, связанным с новыми течениями. Адуева старшего и Андрея Штольца можно назвать представителями городского типа человека, несмотря на деревенское происхождение и различия между ними. Третий способ касается описания второстепенных персонажей, которых можно считать подтипами городского типа человека. Но, сначала, надо привести некоторые

характеристики города, помогающие нам понять его изображение в двух романах Гончарова.

В отличие от деревни, которая связана с циклическим временем, город характеризует линейное время, что прямо относится к динамике и движению, которыми город отличается (Недзвецкий 2010: 52). Также, в отличие от деревни, город проявляет мужское начало. Уход героя из деревни в город обозначается и как переход от одного начала к другому (Войводич 2014: 202). Другими словами, город можно сравнить с фигурой отца. Любовь отца условна, т.е. она проявляется, чаще всего, при условии успешной карьеры или хорошего общественного положения, которые являются и целью жизни в городе. В такой среде, теплота и близость в поведении исчезают, а на их месте появляются холод и дистанция, расчётливость и точность, прагматизм и рационализм. В городе укрепляется господство денежных отношений над аффективными, дело воспринимается как цель и стимул жизни, исчезает важность соседства, ослабляют семейные и дружеские связи, а коммуникация остаётся на элементарном уровне (Šaldarović 1985: 61, 134-135; Гузь 2008: 26). Всё это характерно для процесса перехода от общности к обществу, т.е. перехода от близких форм отношений между людьми к более отчуждённым формам (Šaldarović 1985: 60), причём первые, конечно, присущи жизни в деревне, а вторые жизни в городе. Можно сказать, что именно увеличение города и расширение механизации большей частью повлияли на ослабление первичных отношений между людьми и на исчезновение обязанности друг к другу, что доводит до дегуманизации – люди сами в такой среде как будто превращаются в машины (Mumford 1968: 17, 631). Можно также отметить, что в городе «духовная, интеллектуальная жизнь оттесняется на задний план в пользу прагматического подхода» (Молнар 2012: 137). Рационализм, утилитаризм, чувство долга перед делом, самодисциплина, организованность, подчинение чувств рассудку – это «идейный, нравственный и бытовой комплекс» (Лотман 1982: 165), характеризующий уклад жизни в большом городе и типическую личность в городской среде.

Город отличается от деревни и по своим внешним характеристикам. В то время как в изображении деревни большую роль играет природа, которой приписывается разнообразие, в описании города преобладает эстетика безобразного – там множество

одинаковых улиц, всё однообразно, атмосфера сумрачна, и человеку легко там заблудиться (Nemes 2010: 107).

Так как в *Обыкновенной истории* и *Обломове* речь идёт о Санкт-Петербурге, «наиболее современном и европеизированном городе России середины 19-ого века» (Лотман 1982: 165) и тогдашней столице Российской Империи, все вышеприведенные характеристики можно связать с тем, что в Петербурге численность населения в 1818 году составляла около 386 тысяч человек, в то время как в 1869 году она составляла 667 тысяч человек (Чистяков, эл. ист.). Это ясно показывает, что население города постоянно росло, причём, под влиянием течений модернизации, город превращался в столицу карьеризма, бюрократии и предпринимательства. Петербург того времени считали «городом социальных контрастов, чиновничьих карьер и административного бездушия» (Лотман 1982: 163), но и «символом нового, разумно и рационально устроенного мира» (Гузь 2008: 26). Учитывая всё это, можно заметить, что такой Петербург, который описан в анализируемых нами романах Гончарова, соответствует тогдашней действительности. Петербургское общество в романах связано с торопливостью, шумом, беспокойством, постоянными заботами, там указывается на пустоту существования, насыщенность пространства, бессмысленную суетность, механичность петербургской жизни (Молнар 2012: 246; Гузь 2008: 9, 128). В Петербурге «день размечен по часам, и каждому часу соответствуют свои труды – занятия на службе, на фабрике или вечерние "обязательные" развлечения: театр, визиты, игра в карты» (Лотман 1982: 162-163), и «все личные отношения, в том числе и семейные, оказываются только придатком к "делу" – службе, карьере, предпринимательству и денежным интересам» (там же: 166). Там разрушаются сами основы бытия, что, например, изображается с помощью мотива еды, которая в деревне включена в естественный ритм человека, в то время как в городе она исключена из него и свидетельствует об аритмии – люди не едят весь день, а потом едят весь вечер и ночь, часто вне собственного дома (Гузь 2008: 26, 89).

6. Отношение провинциала к городу

Отрицательное отношение к городской среде проявляется и во взглядах двух главных героев, Александра Адуева и Ильи Обломова, что прямо связано с их воспитанием в

деревне. Они, в соответствии с тем, город понимают как негуманное пространство, источник морального разврата и жадности, место разрушения собственной личности (Nemes 2010: 48, 53) и, каждый по-своему, от этого стараются отгородиться. Одно из основных понятий, которое Александр Адуев и Илья Обломов связывают с городом – понятие *суеты*, у которого есть два значения, причём они, думая о городском пространстве, оба имеют в виду. Первое из этих значений относится к торопливости, суматошности, которая в городе действительно властвует. Александр Адуев, приехав в Петербург, сразу это замечает.

Он вышел на улицу – суматоха, все бегут куда-то, занятые только собой [...]. Он вспомнил про свой губернский город, где каждая встреча, с кем бы то ни было, почему-нибудь интересна. [...] А здесь так взглядом и сталкивает прочь с дороги, как будто все враги между собою (Гончаров 2003: 84-85).

Второе значение слова *суета* связано с пустотой, бессодержательностью, ничтожностью, с характеристиками, которые Александр Адуев и Илья Обломов приписывают жизни в городе по отношению к своему собственному образу жизни. А именно, они свой образ жизни считают правильным, критикуя суетливость городской действительности, которая, по их мнению, искажает жизненную норму, причём нормой, конечно, в их сознании является деревенский уклад жизни. В связи с этим, Илья Обломов описывает город следующими словами:

Всё, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки друг другу, это оглядыванье с ног до головы [...]. [...] где центр, около которого вращается всё это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое (Гончаров, 165-166).

Надо подчеркнуть, что мнение Ильи Обломова о городе вращается, прежде всего, вокруг понятий труда и деятельности в городе, которые он отождествляет именно с суетой. Как утверждает Недзвецкий в своей монографии *Роман И.А. Гончарова «Обломов». Путеводитель по тексту*, виды деятельности, свойственные городскому образу жизни, Илья Обломов определяет как «лжедеятельность» и «лжеактивность», считая, что городские люди движутся по кругу одних и тех же самих бездуховных побуждений, причём главным двигателем в их жизни является личное материальное благополучие

любыми средствами (2010: 111). Александр Адуев суете и аморальности добавляет и характеристику закрытости городского пространства, в котором теснота и скученность давят человека и нагоняют его на скуку, подчёркивая и закрытость самых людей, в отношениях которых отсутствуют близость и искренность.

Заглянешь направо, налево – всюду обступили вас, как рать исполинов, дома, дома и дома, камень и камень, всё одно да одно... нет простора и выхода в взгляду: заперты со всех сторон, – кажется, и мысли и чувства людские также заперты (Гончаров 2003: 85).

В соответствии с этим, гостеприимство, в том варианте, к которому он привык на него, в городе он не находит и этому удивляется.

Ещё более взгрустнется провинциалу, как он войдёт в один из этих домов [...]. Он думает: вот откроются ему широкие объятия, не будут знать, как принять его, где посадить, как угостить; [...] как будто двадцать лет знакомы [...] (Гончаров 2003: 87).

Так как мнение Александра Адуева и Ильи Обломова о городе связано с их образом жизни и мировоззрением, относящимся к деревне, мы на это обратим внимание и в частях нашей работы, посвященных именно Александру Адуеву и Илье Обломову. Но, сразу можно заметить, что их впечатление о городе не отличается много от характеристик, которые вообще связываются с городской средой, хотя эти характеристики в сознании провинциалов ещё более усиливаются.

Однако, кроме отрицательного взгляда на городской уклад жизни, в романах делаются намёки и на положительные элементы нового времени и городской среды. А именно, в *Обыкновенной истории* и *Обломове* описываются две стороны процесса модернизации, с которым связано городское пространство (Гузь 2008: 129). С одной стороны, усиливаются отрицательные характеристики как самого города, так и городского типа человека, т.е. негативные последствия модернизации. Но, с другой стороны, одновременно указывается на положительное влияние новых течений на сознание человека, поскольку очевидным стало то, что в жизни надо трудиться, совершенствоваться, адаптироваться, двигаться. В соответствии с тем, «[...] ставя личность в условия жесткой конкуренции, Петербург [...] выковывает воли и характеры, побуждает молодых людей работать, совершенствовать свои знания, способности, мобилизовать все

свои творческие ресурсы» (Лотман 1982: 166). Именно данные стремления можно связать с Петром Адуевым и Андреем Штольцем.

7. Городской тип человека

Петра Адуева, дядю Александра Адуева, и Андрея Штольца, близкого друга Ильи Обломова, на основе их характеристик можно считать представителями городского типа человека и, более конкретно, представителями типа практического деятеля, который развивается в городской среде (Гузь 2008: 56). Несмотря на существующие различия в их характере, на которые мы укажем ниже, они в романах олицетворяют один тип и выполняют, своего рода, одну и ту же дидактическую функцию, поскольку являются «учителями» двух главных героев, старающимися помочь им преодолеть мировоззрение, сформировавшееся воспитанием в деревенской среде, причём они определяют и объясняют всё с точки зрения прагматического мышления (Гузь 2008: 60; Молнар 2012: 149, 153). Так как Гончаров именно практиков поставил в роль «учителей» и, условно говоря, даже спасителей, можно заключить, что сам Гончаров считал изменения общества исторически необходимыми (Лотман 1982: 165). Надо подчеркнуть, что Пётр Адуев, как и Андрей Штолец, произошёл из деревенской среды, но каждому из них по-своему удалось справиться с последствиями воспитания в деревне, и они стали участниками в городской жизни и в экономико-технологическом развитии страны. Можно сказать, что характеры Адуева старшего и Андрея Штольца обусловлены прежде всего социально-историческими причинами, поскольку они отражают дух века (Гузь 2008: 36), с которым связано именно стремление к труду и движению. «[...] приверженность идее труда составляет сущность их относительной прогрессивности, определяет их значимость: это уже само по себе ценность общественная в сравнении с праздностью героев противоположного склада» (там же: 57). Соответственно этому, черты, которыми обладает патриархальный помещик, «мешают развитию новых капиталистических отношений» (там же: 59-60), в то время как практическая деятельность людей, воплощающих новые стремления, типична именно для развития данных отношений, которые, однако, как мы упомянули выше, могут помешать сохранению духовного богатства человека.

7.1. Пётр Адуев

Пётр Адуев, статский советник и заводчик, встречается в начале *Обыкновенной истории* Александра Адуева в Петербурге и, не допуская племяннику обнять его, сразу указывает ему на то, чему в городе нет места. Он, как и Александр Адуев, детство и юность провёл в деревне, в природе. Письмо его бывшей возлюбленной, в котором она упоминает жёлтый цветок, который он ей подарил, даёт читателю проблеск в прежнюю жизнь Петра Адуева. В городской среде, с другой стороны, жёлтый цветок он считает позором, символом наивной влюблённости, и употребляет это выражение как, своего рода, лейтмотив почти каждый раз, когда критикует эмоциональность своего племянника и его взгляд на жизнь. Надо сразу отметить, что именно из-за того, что Пётр Адуев был в юности таким, каким является Александр Адуев в момент приезда в город, он может предсказать всё, что произойдёт с ним, и все мысли и чувства племянника ему знакомы. Он сам прошёл путь, по которому Александр Адуев движется. Несмотря на своё происхождение и юношеские мечты, Петру Адуеву удалось адаптироваться к городу, и он стал хорошим примером человека городского типа.

В лице замечалась также сдержанность, то есть умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души. Он был того мнения, что это неудобно – и для себя, и для других. Таков он был в свете. Нельзя, однако ж, было назвать лица его деревянным: нет, оно было только покойно. Иногда лишь видны были на нём следы усталости – должно быть, от усиленных занятий. Он слыл за деятельного и делового человека (Гончаров 2003: 74-75).

Сам Пётр Адуев объясняет своему племяннику каким надо быть:

Он [человек городского типа] думает и чувствует по-земному, полагает, что если мы живём на земле, так и не надо улетать с неё на небо, где нас теперь пока не спрашивают, а заниматься человеческими делами, к которым мы призваны. Оттого он вникает во все земные дела и, между прочим, в жизнь, как она есть, а не как бы нам хотелось (Гончаров 2003: 99).

Господство интеллекта над чувствами узко связано с денежной экономикой, неотделимой от городской среды, в которой количество денег является мерой успеха (Čaldarović 1985: 48-49). Хладнокровие, рациональность, сильная воля, сознание о важности карьеры и

общественного положения основные элементы адаптации в среде, в которой конкуренция является одним из двигателей жизни. Так как деньги являются основным индикатором успеха, деятельность возвышается на уровень самой важной ценности. С самого начала Пётр Адуев, выступая как ментор своего племянника, старается приучить его к такой жизни, предупреждая его словами: «[...] мечтать здесь некогда; подобные нами ездят сюда дело делать» (Гончаров 2003: 90). У Адуева старшего нет никаких мечтаний и высоких идеалов (Гузь 2008: 56-57), поскольку городской тип человека «[...] не мечтает о славе и выдающихся свершениях, его желания конкретны и соизмеримы с возможностями [...]» (там же: 58). Поэтому дядя советует Александру Адуеву перестать мечтать о карьере писателя и начать заниматься какой-то выгодной работой. Сам Пётр Адуев постоянно упоминает деньги и важность деятельности, причём единственной основательной причиной взволнованности является потеря денег, а доказательством трудной работы боль в пояснице.

Важный элемент городской жизни – это регулирование эмоций. Значит, сдержанность в поведении и манерах нельзя отождествлять с отсутствием эмоций. Чувства у городского типа человека, конечно, проявляются, но он должен владеть собой. Он уравновешен, но не равнодушен (Гузь 2008: 56, 59). Поэтому дядя советует Александру Адуеву «управлять чувствами» (Гончаров 2003: 115) – перестать восхищаться, возвышать явления и переживать сильные чувства, поскольку деревенская жизнь является полной противоположностью городской. В деревне, по мнению дяди, «помешались на любви, на дружбе да на прелестях жизни, на счастье: думают, что жизнь только в этом и состоит: ах да ох! Плачут, хнычут да любезничают, а дела не делают [...]» (Гончаров 2003: 90). Всё это касается Александра Адуева, который мечтает об идеальной жизни в то время как реальность продолжает двигаться. Всё это также указывает на то, что он настоящий романтик, который на мир и на отношения между людьми смотрит сквозь «розовые очки» из-за своего безбурного детства и юности в деревне. В соответствии с указанным, у него есть идиллическое представление о любви и дружбе, которое не принадлежит городской реальности. Дядя объясняет ему, что городской человек женщину выбирает с расчётом, думая о характеристиках, которыми будущая жена должна обладать. Любовь считается препятствием – это не возвышенное явление, а вопрос привычки. У городского человека есть трезвое отношение и к дружбе. Другом является не человек, который другого

обнимает и утешает, а тот, кто приглашает его к себе, угощает его чем-то и без вопроса предлагает помочь ему деньгами. По словам Петра Адуева, друзья – это те люди, «которые доставляют ему или пользу, или удовольствие» (Гончаров 2003: 132). Значит, любовь и дружба существуют и в городе, но близость и теплота таких отношений исчезают и превращаются в, своего рода, формальность, к чему герой, приехавший из провинции, просто не привык.

7.2. Андрей Штольц

Андрея Штольца, разночинца и агента торговой компании, также можно отнести к городскому типу человека и к типу практического деятеля, поскольку он обладает многими характеристиками, которыми отличается Пётр Адуев. Но, с другой стороны, они разные. На самом деле, Андрей Штольц является более гармонической личностью, чем дядя Александра Адуева, и представляет собой, своего рода, следующий уровень развития типа практического деятеля (Недзвецкий 2010: 75; Гузь 2008: 65), тот уровень, который отдаляет его от абсолютной доминанции рассудка и приближает его к равновесию рассудка и чувств. Поэтому, можно сказать, что Гончаров изображает Петра Адуева и как положительный и как отрицательный образ, в то время как в описании Андрея Штольца Гончаров выделяет, прежде всего, его хорошие качества (Недзвецкий 2010: 74).

Как и у Петра Адуева, так и у Андрея Штольца есть рационалистическое мироощущение, т.е. трезвый взгляд на жизнь. В соответствии с этим, Андрей Штольц ищет рациональные, простые решения жизненных проблем (Гузь 2008: 57; Лотман 1982: 193). «Простой, то есть прямой, настоящий взгляд на жизнь – вот что было его постоянной задачей [...]» (Гончаров 1979: 155), в то время как «мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истинны, было в глазах его оптический обман [...]» (там же: 155-156). Он также отличается сдержанностью, самостоятельностью, ответственностью и настойчивостью, стараясь, прежде всего, достичь те цели, которые он ставит перед собой. «[...] он шёл к своей цели, отважно шагая через все преграды, и разве только тогда отказывался от задачи, когда на пути его возникла стена или отверзалась непроходимая бездна» (там же: 157). Андрей Штольц, как и Пётр Адуев, символизирует постоянное движение, жажду активной жизни –

у его образа жизни есть символика вектора, у которого есть своё начало, направление и конец (Пинженина 2011: 97). Свою жизнь ему нельзя отделить от понятия труда, и на вопрос Ильи Обломова о том, для чего человеку жить, Андрей Штольц чётко отвечает: «Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни [...]» (Гончаров 1979: 175). Своим ответом он показывает, что вообще в это не сомневается, указывая при этом на искажение Обломовым той жизненной нормы, которую он возвышает и старается перенести на своего друга. Значит, идея безустанного труда и движения – понятий, которые получают признак сакрального (Гузь 2008: 10), пронизывает как Петра Адуева, так и Андрея Штольца, которые представляют собой людей нового времени, деятельных и рассудочных практиков, созревающих в городской среде. Клеенчатый плащ и сапоги Андрея Штольца и рабочий стол и бюст Софокла в кабинете Петра Адуева символизируют именно направленность к трудовой деятельности и рассудку (там же: 86, 97).

Несмотря на их сходство, Андрей Штольц, в отличие от Петра Адуева, является более полноценной и гармонической личностью, он «лишен [его] крайностной сущности» (там же: 60), на что указывают как его дела, так и его характер. Это можно связать с особенными условиями его воспитания, на которое влияние оказали две крайности. С одной стороны, его воспитывал строгий, рациональный, хладнокровный отец, по национальности немец и по сословию бюргер, в то время как мать его была нежной, русской душой и дворянкой. Мужское, ригидное, отцовское начало, свойственно именно городской среде, и женское, нежное, материнское начало, свойственно деревне (Недзвецкий 2010: 120), в нём совмещались, в результате чего «[...] в нравственных отправлениях своей жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа. Две стороны шли параллельно, перекрещиваясь и перевиваясь на пути, но никогда не запутываясь в тяжелые неразрешаемые узлы» (Гончаров 1979: 155). Значит, от отца и матери он принял лучшее – «потребность труда, деятельности, познания и умение понять и оценить человеческие чувства, порывы, эстетические запросы» (Гузь 2008: 60). Поэтому можно сказать, что, в то время как Александр Адуев и его дядя, вместе с своими образами жизни, являются полными антиподами, Андрей Штольц, который, как и Илья Обломов, является образованной, гуманной, одухотворенной личностью, выполняет роль более положительной альтернативы Ильи Обломова. Значит, не их

характеры являются полностью противоположными, а только их образы жизни – жизнь-движение противопоставляется жизни-покою (Недзвецкий 2010: 17, 75, 208; Молнар 2012: 180). В то время как Адуев старший отрицает характер своего племянника в целом, не подчёркивая его хорошие черты, Андрей Штольц, благодаря влиянию своей матери, способен ценить положительные качества Ильи Обломова, несмотря на его недостатки (Пурцков 1982: 186, Гузь 2008: 60). Кроме того, глубокая любовь Андрея Штольца к Ольге Ильинской, вместе с проявлениями искренних чувств, также указывает на его превосходство в сравнении с Петром Адуевым и его холодным отношением к собственной жене Лизавете Александровне. Полноценность Андрея Штольца показывает и то, что он часто уезжает за границу, пишет проекты, превращает идеи в дело, много учится, говорит о необходимости просвещения крестьян и строительства железных дорог. Можно сказать, что в его трудовой деятельности есть не только личный интерес, а его труд является и общезначимым (Недзвецкий 2010: 118; Гузь 2008: 60). Всё это также является доказательством преимущества его личности над личностью дяди Александра Адуева, которого, кажется, такие широкие вопросы вне собственной добычи не интересуют. Это связано с тем, что в отличие от Петра Адуева, Андрей Штольц не стремится к чинам, мощи, деньгам, а он постоянно в движении деятельности ради, считая, что только деятельность может реализовать человека целостно, что без труда и движения духовно-нравственное совершенствование человека, как и совершенствование общества, невозможно. В связи с этим, он, уверен в то, что какой-либо труд является спасением от скуки и праздности, не отрицает важность творческой деятельности по отношению к узко практической, стараясь побудить в Илье Обломове хоть бы какое-нибудь проявление труда (Недзвецкий 2010: 78, 211; Молнар 2012: 179). Пётр Адуев, наоборот, ценит только тот труд, который принесёт не духовное, а материальное благополучие, и поэтому он стремление Александра Адуева писать не признаёт. На этом примере наиболее отчётливо видно, что, в то время как функция Петра Адуева – борьба с романтизмом, функция Штольца – борьба с застоём (Гузь 2008: 65).

Надо заметить, что, хотя в описании образа Андрея Штольца подчёркивается потребность сохранения гармонии чувств и рассудка, одновременно утверждается, что жизнь в постоянном движении не является идеальным вариантом. Другими словами, как нужна

гармония чувств и рассудка, так нужно равновесие движения, т.е. деятельности, и покоя, отдыха (Недзвецкий 2010: 212).

7.3. Подтипы городского типа человека

В *Обломове* читателю представлены ещё некоторые примеры городского типа человека, которых можно считать, своего рода, его подтипами. Все они представляют собой разные разряды петербургского общества (Недзвецкий 2010: 66), и в описании их образов, у которых одновременно есть разница и сходство, Гончаров подчёркивает ещё раз, что городская среда влияет не только на укрепление положительных качеств – предприимчивости, ответственности, трудолюбия – но и на проявление и усиление тех качеств, которые человека отстраняют от человечности. Посетители Ильи Обломова, вместе с Иваном Матвеевичем Мухояровым, выражают именно отрицательное влияние города на живущих в нём людей.

Светский фронт Волков каждый день бегаёт по разным модным домам, ездит по обедам, посещает русские или французские театры и употребляет ряд французских выражений в своей речи. Бюрократ-карьерист Судьбинский бюрократской деятельностью занимается ради чинов, денег, репутации, постоянно подчёркивая, сколько у него есть дела. Он даже похвастался Илье Обломову, что женится на богатой женщине. Литератор-очеркист Пенкин, выражая своё мнение о том, какой должна быть литература, показался поверхностным человеком, возвышая литературу, которая не анализирует причины счастья и неудачи человека, а только их высмеивает (там же: 108-109). «Узкий прагматизм» (там же: 184) Волкова, Судьбинского и Пенкина в определённой степени напоминает Петра Адуева. Однако, Пётр Адуев изображён как более сложный, неоднозначный характер. Имени и фамилии четвёртого посетителя Ильи Обломова даже никто не знал, поскольку он сам был неопределённым своим характером и внешностью. Илья Обломов называл его Алексеевым. У Алексеева нет собственного мнения, он делает то, что делают другие, он не стремится ни к чему. Можно сказать, что он только существует, не оставляя никакого следа за собой. Его образ, как замечает Недзвецкий, представляет собой одну крайность – безликость тех людей, которые в городской среде совсем потеряли свою личность, и жизнь которых даже невозможно назвать жизнью, а её

мнимым подобием (там же: 109-110). «Весь этот Алексеев, Васильев, Андреев, или как хотите, есть какой-то неполный, безличный намёк на людскую массу, глухое отзвучие, неясный её отблеск» (Гончаров 1979: 29). Михея Андреевича Тарантьева, который также приехал из провинции в город, можно описать как русского пролетария, циника и теоретика (Недзвецкий 2010: 70). Он остроумный, хитрый, ленивый, сварливый и представляет тех людей, которые на основе хитрости и мошенничества стараются получить какую-то выгоду, поскольку им не удалось постичь ничего на основе собственного труда. Деятельная жизнь чиновника Ивана Матвеевича Мухоярова представлена четырьмя основными атрибутами – вицмундиром или пальто, в которые он одет, галстуком и бумажным пакетом под его мышкой. Так как он на работу уезжает и с работы возвращается каждый день в один и тот же час, можно получить впечатление, что он трудолюбивый, честный человек, но показалось, что он вымогатель. Вместе с Михеем Тарантьевым он воспользовался доверчивостью Ильи Обломова, которого они обманули и брали у него деньги. Следовательно, Иван Мухояров и Михей Тарантьев являются представителями аморальных людей, «царящих в среде мелкочиновной российской бюрократии» (там же: 97).

В соответствии с указанным, всем вышеприведенным образам людей в городе свойственны механичность, обезличенность, однозначность характера и, по мнению Ильи Обломова, который их движение считает бессмысленным, мнимая деятельность. (Недзвецкий 2010: 110; Молнар 2012: 177, 181).

8. Город как субъект

Можно заключить, что город, оказывая большое влияние на людей, живущих в нём, является не только пустым местом действия, но и субъектом. Уже утверждено нами выше, что влияние его может быть положительным, но на основе вышеупомянутых образов является ясным, что эта среда также лишает людей их индивидуальности. Более того, на примере Александра Адуева видно, что город, как сложная и динамическая структура, своей хаотичной внутренней жизнью может подавить человека и разрушительно действовать на него (Nemes 2010: 12).

Проводя жизнь в деревне, Александр Адуев очарован городской жизнью, он уверен в себе и готов покорить город. Но, приехав в Петербург, город постепенно подчиняет его

себе. Александр Адуев становится объектом, а город, влияя на героя и ограничивая его свободу, превращается в субъект (Войводич 2014: 196-197). Как только Александр Адуев приехал в Петербург, в нём одна эмоция сменяется другой. Как *фланёр* – городской пешеход – он из этой перспективы рассматривает город, и первое впечатление его является отрицательным (там же: 196). Он привык к гостеприимству, к физическому контакту, к откровенности, а суматоха города его не устраивает. «Ему дико, грустно; его никто не замечает; он потерялся здесь; ни новости, ни разнообразие, ни толпа не развлекают его» (Гончаров 2003: 85). Уже тогда, при первой встрече с городской жизнью, он в своих мыслях возвращается в свою уютную деревню, в «место социального счастья» (Nemes 2010: 51). Сразу после отрицательного первого впечатления, Александр Адуев меняет своё настроение, считая себя готовым шагнуть в своё будущее, но с течением времени показалось, что именно город покоряет его и разрушает его надежды (Войводич 2014: 197), причём в подчинении Александра Адуева городу важную роль сыграл именно Пётр Адуев, которого город уже покорил.

Город повлиял, конечно, и на Илью Обломова, но здесь есть одна существенная, очевидная разница, которую сразу надо упомянуть, но о которой мы будем более подробно говорить в следующей части нашей работы. Когда Илья Обломов приехал в город, он был жизнерадостным, и у него также были свои надежды. Но, с течением времени, он, недоволен городским укладом жизни, резко отличающимся от уклада жизни в деревне, почти полностью откестился от города, с которым его связывало только то, что он жил в квартире в городе и принимал гостей, которые рассказывали ему о том, что в городе происходит. Хотя город побудил его уйти в изоляцию и, таким образом, подействовал на него, нельзя сказать, что город его покорил. Илья Обломов, в отличие от Александра Адуева, сумел сохранить свою личность, которая в большей степени осталась нетронутой на протяжении всего романа, но и у этого были свои последствия.

9. Тип идеалиста-провинциала

9.1. Общие характеристики

Городскому типу человека Гончаров сопоставляет тип идеалиста-провинциала, который находит своё воплощение именно в образах Александра Адуева и Ильи Обломова. Воспитание в деревне, в лоне патриархально-феодалного быта, несмотря на

существующие различия между героями, сильно на них подействовало, затруднив их будущую жизнь вне деревенского пространства. Из-за постоянной опеки всех обитателей дома, отсутствия каких-либо тревог и волнений, чувства защищённости, они оба, как подчёркивает Молнар, страдают от материнского комплекса (2012: 133), что усиливает тот факт, что они, как единственные сыновья, привыкли к абсолютному вниманию всех. Это прямо связано с ощущением исключительности, которое в них укоренилось в течение детства и юности, что можно отнести не только к их центральному положению в кругу семьи, но и к их принадлежности определённому сословию. А именно, они оба являются помещиками, членами небогатых семей провинциального дворянства (Гузь 2008: 31), которое, как уже упомянуто выше, не привыкло к определённым видам труда и к зарабатыванию, а жило за счёт других. Несомненно, что и это повлияло на молодых помещиков и на их взгляд на службу, карьеру и труд, поскольку они, несмотря на финансовые проблемы провинциального дворянства, считали себя материально обеспеченными, не думая о потребности зарабатывать. Ощущение исключительности усилило отсутствие конкуренции в деревне, в которой молодые помещики всегда принимали похвалы и одобрения, не находя никаких соперников своему превосходству. Комбинация всего приведенного значительно затруднила жизнь Александра Адуева и Ильи Обломова, которые, после того как приехали в город, столкнулись там сразу с им совсем непонятными и незнакомыми условиями жизни. Хотя воспитание в деревне, как отмечает Гузь, усилило их хорошие качества – доброту, гуманность, сердечность, великодушие, кроткость, отсутствие лживости и лицемерия (2008: 36, 38) – оно, как ни университет, не дало им «трезвого взгляда на жизнь, на людей, на самих себя» (там же: 34). В Санкт-Петербург они оба, как двадцатилетние юноши, приехали с искривленным мировоззрением, не зная много о беде и трудностях самостоятельной жизни, считая свои суждения непогрешительными и «ожидавая продолжение семейного начала» (там же: 32), к которому привыкли. Доверчивость, наивность, мягкость, отсутствие волевых качеств, инертность, житейский идеализм и зависимость от других (там же: 35, 38) обрекли Александра Адуева и Илью Обломова на чувство разочарованности, которое в городской среде у них быстро появилось, влияя на усиление ещё одной черты их характера, которая обусловлена их воспитанием в деревне. Речь идёт о мечтательности. У Александра Адуева до приезда в город существовала фантазия об идеальной жизни, исполненной успехом,

славой и колоссальными страстями, которая постепенно в городе бледнела и превращалась в фантазию о возвращении в родную деревню. У Ильи Обломова были какие-то фантазии о достижении успеха и славы, он мечтал о том, чтобы стать знаменитым генералом или художником, но эти мечты были второстепенными и неважными, поскольку у него была лишь одна фантазия, о которой он беспрестанно думал – это была фантазия о жизни-покою в Обломовке. Независимо от того мечтают ли они о достижении славы или жизни в деревне как жизненном идеале, «детерминантом этого идеального мира является центральное положение героя в нём» (Пинженина 2011: 86). В соответствии с тем, не является случайным, что Александр Адуев мечтал о карьере писателя, в то время как Илья Обломов думал о подвигах исторических лиц, о генералах и художниках. Это исключительные индивиды, которые находятся в центре общества и которые все уважают. После того как они разочаровались в городской мир, деревня стала объектом их мечты как, в их сознании, идеальное, неиспорченное пространство, именно потому что там они в детстве и юности были в центре. Внутренняя борьба, которая в Александре Адуеве и Илье Обломове завелась в городе, является ещё одной важной общей характеристикой двух героев и служит доказательством их динамичной внутренней жизни по отношению ко все менее активной внешней. Они тратят свои потенциалы, бездельничают, становятся пассивными и общественно бесполезными. Такое поведение, которое не способствует развитию человеческих способностей, а уничтожает их, является типичным для, так называемого, «лишнего человека» (Flaker 1965: 99; Гузь 2008: 31). Но, они и буквально становятся «лишними», потому что люди, которым не хочется трудиться, не находят места среди городского общества. Действительно, Гончаров указал на то, что в городской среде существуют три, условно говоря, возможности для идеалиста-провинциала, воспитанного в условиях патриархально-феодалного быта – приспособиться, обособиться или погибнуть (Гузь 2008: 40). Первая в нашем случае касается Александра Адуева, вторая Ильи Обломова, третья, в определённой степени, обоих.

9.2. Трансформация Александра Адуева

Двадцатилетний Александр Адуев в Петербурге встретился с проблемой адаптации. В хаотической городской среде усиливается нервная стимуляция человека и возникает множество впечатлений, которые трудно абсорбировать. Эмоциональное участие человека

в таких обстоятельствах привело бы к психическому кризису. Поэтому человек должен адаптировать свой характер и поведение к новым условиям, чтобы мог в городе функционировать (Ćaldarović 1985: 48-51). Значит, Александр Адуев был должен убить романтика в себе, потому что город не ласкает, а разрушает романтиков. В городе «всё уравнено, как моды, так и страсти, и дела, и удовольствия, всё взвешено, узно, оценено... всему назначены границы» (Гончаров 2003: 274-275), и герой принуждён стать частью этого общего порядка. В такой среде герой, приехавший из провинции, как будто просыпается ото сна – романтизм уступает место реализму, что символизирует и постепенную трансформацию главного героя.

Трансформация Александра Адуева постоянно течёт, но с осложнениями. Дядя, который признаки деревни у племянника означает отрицательным восклицанием «Провинция!», нашёл ему две работы. Александр Адуев стал работать чиновником и в одно и то же время переводить статьи о сельском хозяйстве, но ни то ни другое он не считал удовлетворительным. Хотя он с течением времени стал более осторожным, «он далеко был от холодного разложения на простые начала всего, что волнует и потрясает душу человека» (там же: 113). Его романтическая природа проявляется в его литературном творчестве, от которого он всё ещё не отказался. Надо подчеркнуть, что Александр Адуев свою исключительность основывал именно на том, что считал себя поэтом, и, следовательно, человеком, превосходящим остальных, что узко связано и с его барским происхождением, поскольку оно обусловило его романтический взгляд на жизнь. Критики своего дяди за счёт своих произведений он вообще не принимает. «Всё-таки он умный чиновник, заводчик – и больше ничего, а я поэт» (там же: 224). Значит, отказ от литературного творчества лишил бы его именно того элемента, на котором он основывал своё превосходство. Падение главного героя начинается вместе с его влюблённостью, которая затуманивает ему ум. Веря в вечную любовь, Александр Адуев отгораживается от мнения своего дяди о любви как препятствии. Называя любовь «сладостной негой» (там же: 123) и упиваясь ей, он вообще не думает о своей работе, которую, поскольку вообще не привык к ежедневному труду, считает «презренной пользой», «необходимым злом» (там же: 123, 149). Необузданная любовь Александра Адуева к девушке Наденьке Любецкой вызвала наконец в нём ревнивость, сердитость, разочарование и отчаяние, когда понял, что у него совсем не то понимание любви, что у городских людей. Вершиной и

основным доказательством его романтической природы является дуэль, к которой он был готов. Он хотел убить своего противника, но Пётр Адуев его переубедил, сказав, что рациональный человек борется хитро и хладнокровно. Однако, здесь важно тоже упомянуть временной аспект, поскольку дуэль, как ответ на нанесенное оскорбление, в середине 19-ого века просто больше не была в моде, независимо от того, идёт ли речь о деревне или о городе.

Разочарование в любви в сознании главного героя усилило изображение города как зверинца, места с демонической природой (Nemes 2010: 22, 177). Александр Адуев называл городских людей чудовищами, сравнивая их даже с животными из басен Крылова – они хитрые, подлые, обманчивые. Хотя его первоначальная грусть со временем исчезла, он продолжил играть роль страдальца, ведя себя как герой какой-то романтической истории. Роль его утешителя в городе выполняет молодая Лизавета Александровна, жена Петра Адуева, которая «была свидетельницей двух страшных крайностей – в племяннике и муже. Один восторжен до сумасбродства, другой – ледян до ожесточения» (Гончаров 2003: 199-200). Она старается смягчить резкие заявления своего мужа и не разрушить все надежды Александра Адуева, сочувствуя ему. Она сама страдала из-за характера собственного мужа, но ей удалось это скрыть.

Новая любовь Александру Адуеву всё-таки не принесла счастье. Юлия Павловна была женской версией его самого – мечтательницей, верующей в вечную любовь. С течением времени Александр Адуев начинает её критиковать, считая её скучной, слабой, бесхарактерной. Можно сказать, что он, бессознательно, в одно и то же время критикует и самого себя, т.е. бывшего Александра, поглощённого любовью. Он отбрасывает Юлию Павловну, чувствуя себя свободным без любви. Он тогда пошёл в другую крайность – вместо романтика стал пессимистом без амбиций, душа его была наполнена гневом, а успехи других постоянно напоминали ему о его собственных поражениях и неудачах, превращая его в завистливого человека. Одним из этих поражений была его творческая работа, и он перестал писать свои произведения, которые в свое время были его спасением от городской жизни. Жизнь в городе поощряет в провинциалах «чувство отчуждения, одиночества, тревожности» (Nemes 2010: 22) и безнадёжности, она является «гробницей глубоких, сильных, нежных и тёплых движений души» (Гончаров 2003: 314). Заблудившись в своих мыслях и отгораживаясь всё больше от городской среды и людей,

Александр Адуев становится пассивным и ленивым. Он тратит свой потенциал и, не делая ничего, превращается в «лишнего» человека. Он ничем не интересовался, ни о чём не мечтал и даже перестал посещать дядю и его жену, общаясь только с людьми, которые были простыми и интеллектуально на значительно нижнем уровне по отношению к нему. А именно, он не хотел, чтобы какой-то разговор или какая-то ситуация напомнили ему его прежнюю жизнь, исполненную наивными надеждами. «[...] он с ужасом видел, что ни там, ни сям не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды: всё уже было позади; туман рассеялся; перед ним разостлалась, как степь, голая действительность» (там же: 276). Он потерял веру в искреннюю любовь, дружбу и поэтическое назначение. Александр Адуев увидел, что профессия писателя, поэта в городском пространстве лишена была качества исключительности и получила признак долга, поскольку также началась связываться с заработком. У него были чёрные мысли о болезнях, старости, о разных утратах, он думал о других и их ясному пути, что порождало в нём чувство недоброжелательства ко всем. В этих моментах авторефлексии, Александр Адуев утверждает: «[...] я стремиться выше не хочу. Я хочу остаться так, как есть [...]. [...] Хочу, чтоб мне не мешали быть в моей тёмной сфере, не хлопотать ни о чём и быть покойным» (там же: 273-274). Он каялся, что покинул родную деревню.

[...] там эти беспокойные порывы спали бы непробудным сном; там не было бы бурного брожения этой сложной жизни. [...] Существование не было бы отравлено. Я прошёл бы гордо своё назначение: путь жизни был бы тих, казался бы и прост и понятен мне, жизнь была бы по силам, я бы вынес борьбу с ней [...] (там же: 279).

Эта цитата чётко показывает в какой степени воспитание в деревне повлияло на него и ограничило его в осуществлении своих потенциалов. В своих собственных ошибках он несправедливо обвиняет своего дядю, человека, который старался ему помочь, объяснить ему, со своей стороны, требования современного общества. Но, эти требования романтик Александр Адуев не был в состоянии выполнить. После глубокого разочарования «он желал только одного: забвения прошедшего, спокойствия, сна души. [...] он [...] утонул в апатическом сне: душа его погрузилась в современную дремоту» (там же: 279-280). Данным стремлением он в этот период своей жизни приблизился Илье Обломову и его стремлению к жизни-покою. Из праздности он стал играть с чувствами других, соблазнив девушку Лизу, которая в него влюбилась. Когда Александр Адуев понял, что он

сознательно манипулировал другим человеком, он постыдился и рассердился на самого себя, желая «прекратить это бесполезное, позорное существование» (там же: 296). Хотя он на мосту стал прощаться со своей жизнью, он сам не бросился бы в воду. Это доказывает его реакция, когда ему удалось сделать прыжок на другую сторону, после того как половина моста отделилась. Но, мысль о самоубийстве, хотя кратковременная, служит доказательством сильного внутреннего конфликта внутри самого Александра Адуева. С одной стороны, было постоянное давление адаптироваться, с другой стороны – желание остаться своим, что и привело его к обрыву.

Чтобы отдалиться от своей жизни в Петербурге, в котором до того момента он провёл восемь лет, и найти покой, главный герой возвращается в деревню, которая его снова принимает, как мать своего ребёнка (Войводич 2014: 202). Деревенская среда помогла его самолюбию и тщеславию: «А здесь какое приволье! Он лучше, умнее всех! Здесь он всеобщий идол на несколько верст кругом» (Гончаров 2003: 336). Фрак он заменил халатом, упываясь простым и несложным бытом. «[...] лень, беззаботность и отсутствие всякого нравственного потрясения водворили в душе его мир, который Александр напрасно искал в Петербурге» (там же: 335). Но, пробыв там полтора года, он понял, что больше не принадлежит к деревенской жизни, и, посмотрев новыми глазами на своё прошлое, он застыдился своих поступков и излишней эмоциональности. Жизнь в деревне считал тратой своих талантов и уничтожением шансов на карьеру, но одновременно боялся вернуться в Петербург. Смерть его матери символизирует и смерть деревни в его сознании – он, после осознания своих ошибок, возвращается в город и там заканчивается трансформация Александра Адуева в собственного дядю, в настоящего городского человека. Сам Александр Адуев писал дяде следующее: «Не удивляйтесь и не бойтесь моего возвращения: к вам приедет не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек, каких в Петербурге много и каким бы давно мне пора быть» (там же: 339). Город наконец покорила главного героя, превратив его в холодного чиновника, в часть однообразной городской массы. Город разрушил его личность и довёл до конца процесс его деперсонализации (Войводич 2014: 198; Немес 2010: 100, 102), но одновременно указал ему на недостатки жителей деревни и отсталость деревенского мировоззрения, которое больше не находит место среди современного общества. Александр Адуев понял, что Промысел «[...] задаёт человеку нескончаемую

задачу – стремиться вперёд, достигать свыше предназначенной цели, при ежеминутной борьбе с обманчивыми надеждами, с мучительными преградами. Да, вижу, как необходима эта борьба и волнения для жизни, как жизнь без них была бы не жизнь, а застой, сон» (Гончаров 2003: 340). Он наконец утвердил, что надо идти «наравне с веком: нельзя же отставать» (там же: 359).

Вместе с трансформацией Александра Адуева, своё мнение и поведение меняет и Пётр Адуев. В конце романа он, смотря на своего рационального, серьёзного племянника и на свою, сейчас равнодушную, жену, понимает свои ошибки и меняет свой взгляд на проявление чувств, становясь ближе к уже бывшему романтику Александру Адуеву.

9.3. «Обломовщина» Ильи Обломова

В отличие от Александра Адуева, за которым читатель следит с его приезда в Петербург, Илью Ильича Обломова читатель встречает в столице, в его квартире на Гороховой улице, и узнаёт, что прошло двенадцать лет с его отъезда из Обломовки. Ему тогда было, как и Александру, двадцать лет. Для понимания образа Ильи Обломова надо сначала объяснить значение его фамилии. Считается, что источником формирования этого имени, как объясняет Недзвецкий, являются два слова – *облый* и *облом*. Облость, которая относится к целостности и полноте, связана с описанием внешнего вида Ильи Обломова, указывающего на его принадлежность к барскому сословию и на его многолетний образ жизни, в который он погрузился после того как отдалился от городского уклада жизни. В соответствии с этим, он изображается как немного полный человек с маленькими пухлыми руками и мягкими плечами, что более связывается с женственностью, чем мужественностью. С другой стороны, у слова *облом* есть значение неполноты, незавершенности, негармонии, что указывает на характер Ильи Обломова и его поведение. Противоречиво-двойственное значение фамилии Обломов намекает на один из самих важных мотивов романа – это мотив разлада и внутренней борьбы, с которой, хотя в несколько другом виде, столкнулся и Александр Адуев после того как приехал в Петербург (2010: 7-9).

Приблизительно два года Илья Обломов был участником городского образа жизни – он работал коллежским секретарём, общался с друзьями и женщинами, был

жизнерадостным и полным надежд. Работа ему скоро надоела, поскольку вообще не выполнила его ожидания. Кроме того, он к труду чувствовал отвращение и, в отличие от Александра Адуева, никогда не был хорошим, трудолюбивым учеником, поскольку родители старались отгородить его от каких-либо тревог и обязанностей, защищая его максимально от внешних обстоятельств. «Жизнь в его глазах разделялась на две половины; одна состояла из труда и скуки – это у него были синонимы; другая – из покоя и мирного веселья» (Гончаров 1979: 52). Следовательно, можно сказать, что характер Ильи Обломова ещё в большей степени был обусловлен воспитанием в деревенской среде, чем характер Александра Адуева, на что указывает его ответ на условия городского образа жизни. А именно, Илья Обломов радикально ответил на беготню и суету жизни в городе, изолируя себя в целостности от всего этого, отгораживаясь как от труда, так от развлечений. Жизни-суете он противопоставляет жизнь-покой, которую он, по образцу Обломовки, старается создать в своей квартире. Деревенско-патриархальный уклад жизни, характеризующийся статичностью бытия, медлительностью, боязнью от окружающего мира, отсутствием сильных тревог, оказал влияние на Илью Обломова и его цель жизни, относящуюся, как замечает Молнар, к достижению именно полноты покоя (2012: 177). Воспитание в Обломовке и стремление героя к покою подействовало на его погружение в бездействие, тунейство, неподвижность, тишину, сон, мечтательность и усилило в нём жизненную беспомощность, безволие и безразличие к внешней деятельности (Молнар 2012: 123, 127-132, 140), сделав от него «лишнего» человека, который не мог и не хотел найти своё место среди петербургского общества (там же: 167-168), и «незрелого юношу», антипода независимого и ответственного мужчины как главы семьи и столпа общества (Краснощекова 2011: 53). образу жизни Ильи Обломова, отличающемуся вышеприведенными характеристиками, Андрей Штольц даёт название «обломовщина».

Надо подчеркнуть, что многие литературные критики и литературоведы спорили в связи с характером «обломовщины», объясняя её по-разному. Добролюбов считает, что её причиной является именно барско-помещичье положение, не уходя от социально-бытового уровня этого понятия. Дружинин и Писарев «обломовщину» связывают не только с Россией и определённым сословием, а считают её общечеловеческим явлением, у которого есть разнообразные формы и разные причины зарождения, в то время как Овсяннико-Куликовский подчёркивает, что это явление вневременное, психологическое (цит. по

Недзвецкий 2010: 204-207). А именно, многие считают «обломовщину» «нравственно-психологическим комплексом, развивающимся в людях особого психологического склада и лишь усугубляемый способствующими ему общественно-историческими и социально-бытовыми условиями и обстоятельствами» (там же: 207), одновременно воспринимая Илью Обломова как универсальную личность (там же: 205). Однако, так как характер и образ жизни Ильи Обломова неотделимы от деревенско-патриархального уклада жизни и с ним связанного помещичьего сословия, которые действительно на него оказали большое влияние, в рамках нашей работы мы обращаем внимание именно на эту часть «обломовщины».

Самый центральный символ «обломовщины» – это халат Ильи Обломова. А именно, халат можно связать с чувством комфорта, сном, ленью, отсутствием движения и труда. В соответствии с этим, данная часть одежды, вместе с туфлями, ясно противостоит сапогам, плащу, галстуку, пальто, т.е. атрибутам деятельных людей. Халат и квартира, в которой Илья Обломов живёт, символизируют возврат героя к матери. Сама квартира служит местом, в котором можно скрыться – это знакомое, тёплое и спокойное место, шкапулка в которой Илья Обломов живёт по правилам, иным городским (Мэла 2011: 31). Он там чувствует себя защищённым от внешнего мира, стараясь осуществить таким способом своё «желание избежать сложностей жизни» (Краснощекова 2011: 54) и суету города. На его образ жизни указывает и то, как выглядит его комната, в которой он проводит целые дни.

[...] на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка [...]. Если б не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живёт, – так все запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия (Гончаров 1979: 6).

Его пассивность, безделье и безволие обнаруживают и два случая, которые взволновали его. Первый случай относится к письму, которое Илья Обломов получил из деревни от своего старости, распоряжающем доходами с имения. Он Илье Обломову указал на некоторые проблемы, с которыми там столкнулся – крестьяне бегут, доход уменьшается и, вообще говоря, имение пропадает. Читатель узнаёт, что это письмо только одно из многих,

которые Илья Обломов получил от него, но ничего не сделал, чтобы улучшить состояние своего поместья, а сердится, что староста лишает его покоя. В своей неспособности и нежелании найти решения своих проблем в реальности, он только мог мечтать о своём, условно говоря, плане улучшения имения (Молнар 2012: 176), который, прежде всего, относился к обновлению дома Обломовых, вокруг которого вращалась мечта Ильи Обломова. Второй случай касается переезда из квартиры, которого управляющий дворника требовал от Ильи Обломова. Он вообще не желает об этом думать, а требует от своего слуги Захара Трофимовича, чтобы он постарался об этом. Переехать, конечно, ему не хочется, поскольку переезд значил бы перемену, движение, нарушение покоя. Значит, как отмечает Недзвецкий, Илья Обломов весьма отрицательно реагирует на всякое вторжение извне (2010: 188).

Вторжение приносят в определённой степени и посетители Ильи Обломова, представители городской среды. Покой, царствующий в квартире на Гороховой улице, Илья Обломов противопоставляет, по его мнению, бессмысленному движению его посетителей, праздной петербургской жизни, которую он называет кузницей, хаосом, считая, что участники этой жизни, как уже упомянуто выше, занимаются «лжедеятельностью» (Молнар 2012: 176-177, 248). Андрею Штольцу он говорит следующее: «всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперёд, а что толку?» (Гончаров 1979: 166). Неприятием суетности, карьеризма и отказом от сплетен и мелочности светского человека, Илья Обломов протестует против городского мира, но его существование в изоляции является неполным, оно лишь дурная крайность той жизни, от которой он отгораживается (Молнар 2012: 179; Гузь 2008: 44; Недзвецкий 2011: 193). Считая городских людей несчастными и несвободными, поскольку постоянно занимаются общественными обязанностями и работой, он радуется, что он «не какой-нибудь мелкий исполнитель чужой, готовой мысли; он сам творец и исполнитель своих идей» (Гончаров 1979: 61). Ирония в том, что он не постарался осуществить те идеи, о которых думал, и всегда требовал помощи, решения и советы от других. Более того, эти идеи, среди которых выделяется план о преобразовании имения, даже не были вообще разработаны. Определив деятельность городских людей как мнимую, он не понимал, что его деятельность, которая относилась только к уровню мечтаний, является такой же (Молнар 2012: 134). Но, надо

заметить, что Илья Обломов отличается от своих посетителей наличием «осознанного личностного начала» (Недзвецкий 2010: 69). Действительно, сопоставление его с посетителями подчеркнуло положительные личностные и душевные свойства Ильи Обломова, который, несмотря на свои недостатки, отличался благостью, добротой, душевной чистотой (там же: 71).

Надо подчеркнуть, что сам Илья Обломов свою особенность по отношению к другим связывает с своим барством, которым оправдывает и свой образ жизни, употребляя социальный статус барина в качестве самоопределения (Молнар 2012: 169). Это наиболее видно на основе конфликта Ильи Обломова с Захаром, когда он сравнил его с *другими*. На слова Захара, что «другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно...» (Гончаров 1979: 83), Илья Обломов сильно рассердился, поняв это сравнение как оскорбление, поскольку этим нарушено было положение Ильи Обломова в центре, его уникальность. Стараясь объяснить Захару разницу между собой и *другими* и показать ему свою исключительность, он одновременно обнаружил все свои недостатки (Пинженина 2011: 90-91).

Я «другой»! Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худошав или жалок на вид? Разве недостаёт мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать – есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю! Не ты ли с детства ходил за мной? Ты всё это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще чёрным делом не занимался. Так как же это у тебя достало духу равнять меня с другими? Разве у меня такое здоровье, как у этих «других»? Разве я могу всё это следать и перенести? (Гончаров 1979: 87).

Своё превосходство и центральное положение в мире он, прежде всего, подтверждает на основе отношения к Захару, крепостному человеку, который «по самому своему положению в обществе не может подвергнуть сомнению основательность претензий барина» (Лотман 1982: 182). Жизнь Захара, который преданный своему барину, действительно, вращается вокруг Ильи Обломова, но сам Захар далеко от образа послушного слуги – он лентяй, который бежит от ответственности. Несмотря на его недеятельность, Захар зависит от Ильи Обломова, в то время как Илья Обломов зависит от

своего слуги, всегда обвиняя его за свои пропуски. Их взаимная зависимость подчеркивается именно тем, что они очень близкие по некоторым своим характеристикам (Недзвецкий 2010: 64-65). Можно заметить, что в случае отказа Ильи Обломова от своего образа жизни, нарушилось бы его центральное положение в мире, к которому он привык, и поэтому ему не подходит роль одного из рядовых представителей общества. Значит, с одной стороны, он не желает быть как другие, но, с другой стороны, он также не может вести такой образ жизни, который включает постоянное движение, исполнение ежедневных обязанностей и заботу о жизненных проблемах (Пинженина 2011: 90). Он сам это понимает после спора с Захаром, поскольку этот конфликт побудил его анализировать самого себя и найти причину своей неподвижности и неспособности (Молнар 2012: 222-223). Он считал, что «какой-то тайный враг наложил на него тяжёлую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения» (Гончаров 1979: 92).

Стараясь определить этого врага, Илья Обломов заснул, причём именно во сне, как форме авторефлексии, он находит причины своих слабостей и своего бездействия (Молнар 2012: 222-223), но во сне также создаётся тот мир, который для него является идеальным. Ему приснилась Обломовка, его родная деревня, по которой он в городе тоскует. Но, Обломовка во сне, как уже упомянуто, не является реальным, а ментальным пространством. Это взгляд в прошлое из настоящего, который, действительно, основывается на реальных воспоминаниях, но который идеализируется из-за новой перспективы жизни в городе (Гузь 2008: 104-105). Это «описание мира, конструированного воображением Обломова» (Молнар 2012: 221), в котором рисуется райский пейзаж и подчёркиваются качества целостности, совершенства, отсутствия суеты, беспокойства и забот, которые характеризуют петербургский мир (там же: 213-214).

Не клеймила их [обломовцев] жизнь, как других, ни преждевременными морщинами, ни нравственными разрушительными ударами и недугами. Добрые люди понимали её не иначе, как идеалом покоя и бездействия [...]. [...] Ничего не нужно: жизнь, как покойная река, текла мимо их, им оставалось только сидеть на берегу этой реки и наблюдать неизбежные явления, которые по очереди, без зову, представали пред каждого из них (Гончаров 1979: 115-116).

В описании идеализированной обломовской нормы жизни, к которой Илья Обломов стремится, проявляется критический взгляд повествователя на такую жизнь, отличающуюся отсутствием духовных потребностей и стремления к совершенствованию личности (Молнар 2012: 220, 222). Читатель узнаёт, что маленький Илья Обломов был любопытным и хотел даже самостоятельно действовать, но каждый раз его родители возмутились, заставляя его отказаться от каких-либо попыток вырваться от их подавляющей заботы. «И Илюша с печалью оставался дома, лелеемый, как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло. Ищущие проявления силы обращались внутрь и никли, увядая» (Гончаров 1979: 134). Более того, родители внедрили в него страх от всего того, что находится вне узкого круга семейной усадьбы, что укрепило в нём чувство робости, которое навсегда осталось в нём и повлияло на развитие, в определённой степени, даже варианта агорафобии.

Хотя во *Сне* обнаруживается, что именно барство и воспитание в деревне оказали сильное влияние на характер Ильи Обломова и его «погасание», он всё-таки мечтает о том мире, который во *Сне* описывается, возвышая обломовскую норму жизни, которую облагораживает, как жизненный идеал (Гузь 2008: 96, 105). Поставив себя в центр мира, о котором он мечтает, Илья Обломов подчёркивает чувство покоя как основную ценность, причём все остальные вокруг него служили бы хранителями этого покоя. В связи с этим, его план о переобращении имени относился только к мечтаниям об обновлении родного дома и идиллической жизни в нём, но он сам ничего конкретного не делал для осуществления данного плана. Этот романтический идеал он описывает Андрею Штольцу, который, подсмеиваясь над ним, называет это «обломовщиной», а Илью Обломова «поэтом». Думая об осуществлении жизни-покоя в своей любимой Обломовке, он не понимает, что Обломовка, о которой он мечтает, не существует и не может существовать, не только потому что абсолютный покой невозможно достичь, а и потому что изолированность Обломовки дошла до своего конца. Поэтому можно заключить, что Илья Обломов «мечтает о возвращении не в своё реальное поместье, а в Обломовку своих мечтаний» (Молнар 2012: 221).

Мечтания Ильи Обломова являются доказательством его динамичной внутренней жизни в сравнении с пассивной внешней (там же: 177), но кроме того, о динамике также

свидетельствует внутренний конфликт в нём, который основывается, как отмечает Недзвецкий, на противоречивой двойственности его натуры. Другими словами, его натура состояла из двух противоположных устремлений. С одной стороны, это сознание о назначении человека, определенное Творцом. Это назначение относилось к устремлению, связанному с постоянным совершенствованием, которое в *Обломове* выражается в виде образа Андрея Штольца, ведущего образ жизни-труда, т.е. жизни-движения. С другой стороны, было у Ильи Обломова устремление к покою, которое относится к остановлению процесса своего развития на определённом уровне, когда человек этого покоя достиг (2010: 17-19). Значит, именно борьба между устремлением к духовно-нравственному совершенствованию и устремлением к духовному сну определяет внутренний конфликт Ильи Обломова (Недзвецкий 2010: 42). Второе устремление Ильи Обломова основано на образе жизни в Обломовке, в которой его душа начала погибать, а погасание его продолжалось в городе, где он в своей квартире создал ту обстановку, к которой привык (там же: 18-19). Тяготение Ильи Обломова к покою осуждает Андрей Штолец, который не указывает ему только на ущербность его образа жизни, но и на ущербность образа жизни тех городских людей, которые деятельностью занимаются, чтобы потом могли бездельничать и наслаждаться покоем, называя это «петербургской обломовщиной» (Гончаров 1979: 175). Считая труд целью жизни, он напоминает Илье Обломову о его деятельности и стремлениях, когда приехал в город, подчеркнув, что и Илья Обломов тогда говорил о важности труда. В разговоре с Андреем Штольцем Илья Обломов ясно утвердил, что гаснет, и спросил своего друга помочь ему вырваться от этой жизни.

Все знаю, все понимаю, но силы и воли нет. Дай мне своей воли и ума и веди меня куда хочешь. За тобой я, может быть, пойду, а один не сдвинусь с места. Ты правду говоришь: «Теперь или никогда больше». [...] Двенадцать лет во мне был заперт свет, который искал выхода, но только жег свою тюрьму, не вырвался на волю и угас (Гончаров 1979: 175-176).

В соответствии с этим, надо указать также на то, что в словах Ильи Обломова проявляется его характеристика зависимости от помощи других, поскольку он сам нерешителен и бессилён. Задавая себе вопрос о смысле существования – «Идти вперёд или остаться?» (Гончаров 1979: 178), Илья Обломов думал о том, что нужно, чтобы человек и его жизнь были целостными – постоянное движение и развитие или покой и статичность, не

понимая, что жизнь-покой и жизнь-движение должны дополнять друг друга (Молнар 2012: 175-176; Недзвецкий 2010: 212).

Этот обломовский вопрос был для него глубже гамлетовского. Идти вперёд – это значит вдруг сбросить широкий халат не только с плеч, но и с души, с ума; вместе с пылью и паутиной со стен смести паутину с глаз и прозреть! [...] Прощай поэтический идеал жизни! Это какая-то кузница, не жизнь; тут вечное пламя, трескотня, жар, шум... когда же пожить? Не лучше ли остаться? (Гончаров 1979: 179).

Но, под влиянием Андрея Штольца и «ядовитого» (там же: 178) слова «обломовщина», которое он произнёс, Илья Обломов начал выходить из своего дома и познакомился с юной Ольгой Сергеевной Ильинской, которая скоро взяла на себя задачу помочь ему в его попытке измениться. Роман, который летом на даче вне Петербурга развернулся между ними, был последним шансом Илье Обломова отказаться от «обломовщины».

Действительно, страстная любовь к Ольге Ильинской изменила Илью Обломова, но только временно. Он перестал носить халат и стал носить сюртук, что символизирует и его переход из вполне пассивной в более активную жизнь (Недзвецкий 2010: 23-24) – он стал читать разные книги, интересоваться новостями из мира, просыпаться раньше, ходить по обедам и гулять в природе, но его деятельность зависела прямо от Ольги Ильинской и её требований, поскольку она поощряла его к «безустальному труду души и тела» (там же: 26), желая его возродить (Лотман 1982: 189). У него самого никакой самостоятельной инициативы не было. Его внутренний конфликт лучше можно заметить именно в романе с Ольгой Ильинской (Недзвецкий 2010: 16). Илья Обломов искренно её любил, мечтая о поэтическом идеале жизни, который несколько изменился. Он в него включил Ольгу Ильинскую как, в его сознании, олицетворение спокойной, кроткой женщины, с которой хотел провести свою жизнь в Обломовке, среди семьи и друзей, в обстановке покоя и «вдохновенной лени» (там же: 112-113). Значит, элемент покоя остался в его мечте центральным, но он добавил духовный элемент, который относился к определённой развитию внутренней духовной жизни, что указывает на положительное влияние Ольги Ильинской. Устремление к духовно-нравственному совершенствованию лучше выражается в словах Ильи Обломова, когда он рядом с Ольгой Ильинской, поскольку именно тогда он наиболее вдохновенный, обещая её, что опять не заснёт. И в эти моменты

страсти и восхищения он вполне в это верит. Но, когда он один, всё сразу меняется. Он думает о будущем, боится, грустит, сомневается в их любви, и поэтому постоянно ищет подтверждения этой любви и успокаивается только тогда, когда его от Ольги Ильинской получает. Значит, любовь к Ольге Ильинской принесла ему то, от чего он всю жизнь бежал – душевное беспокойство в виду страстей, радости, сомнений, боязни (там же: 24-25). В письме, которое написал её с целью прервать отношения с ней, он ясно выразил, чему стремится.

[...] любовь делает невероятные успехи, это душевный антонов огонь. И теперь я ни на что не похож [...]. Все это к лицу молодости, которая легко переносит и приятные и неприятные волнения; а мне к лицу покой, хотя скучный, сонный, но он знаком мне; а с бурями я не управляюсь (Гончаров 1979: 243).

Хотя он написал это письмо с хорошими намерениями, поскольку хотел, по его словам, спасти Ольгу Ильинскую, он хотел спасти и самого себя от возможного несчастья, позора и обид в будущем, причём также является ясным, что устремление к покою в нём доминирует и лишает его возможности сделать решительные шаги к окончательному выходу из «обломовщины». Однако, письмо не прервало их роман, а он продолжался, поскольку Ольга Ильинская считала письмо доказательством его добродушия. Действительно, в период любви к Ольге Ильинской раскрывается внутренняя сущность Ильи Обломова и выявляются лучшие стороны его характера – доброта, честность, чистая душа, нежность, но также подчёркиваются его слабости, что показывает сложность его характера (Молнар 2012: 169; Лотман 1982: 189-190). Чтобы защитить себя и Ольгу Ильинскую от обид и огласок, укрепить святость их любви и успокоить самого себя, Илья Обломов решил сделать ей предложение. Но, вскоре после того как она с этим согласилась, его поэма любви с Ольгой Ильинской начала разрушаться. «Эгоистическая трусость» (Лотман 1982: 189) в виду страха перед обязанностями охватила его, и он стал и любовь считать долгом.

Он чувствовал, что светлый, безоблачный праздник любви отошёл, что любовь на самом деле становилась долгом, что она мешалась со всею жизнью, входила в состав её обычных отправлений и начинала линять, терять радужные краски. [...] Поэма минует, и начнётся строгая история: палата, потом поездка в Обломовку, постройка дома, заклад в совет,

проведение дороги, нескончаемый разбор дел с мужиками, порядок работ [...] (Гончаров 1979: 283).

Перед ним появилась картина не его идеальной жизни, включающей «праздничные стороны и поэтические проявления» (Недзвецкий 2010: 130) любви, а картина реальной жизни, характеризующей беспокойством и обязанностями. Сама Ольга Ильинская поощряет его заниматься делами, связанными с именем, взять на себя ответственность, что служило бы в её глазах доказательством его готовности к труду. Подавляющее ощущение усилилось с концом лета, когда Ольга Ильинская и Илья Обломов вернулись из природы в город, что символизирует переход из идиллического пространства, похожего на деревенское, в пространство реальное, где мечты разрушаются. В соответствии с этим, роман с Ольгой Ильинской начал гаснуть именно после того как они вернулись в Петербург, когда Илья Обломов переехал на Выборгскую сторону, в дом Агафьи Матвеевны Пшеницыной, кумы Михея Тарантьева.

На Выборгской стороне, где Илья Обломов даже сознательно отдаляется от Ольги Ильинской и её требований, он стал возвращаться своему старому образу жизни, что символизирует починка его халата Агафьей Пшеницыной. Волнуясь всё больше из-за денег, имения, будущего, у него усиливается стремление к покою, чему способствовали обстоятельства в доме Агафьи Пшеницыной, напоминающие ему именно Обломовку. Отдалённость от остального Петербурга, замкнутость пространства, простота быта, циклическое время, важность ритуалов и пищи, наличие огорода, сада и домашних животных являются только некоторыми характеристиками, связывающими дом Агафьи Пшеницыной с Обломовкой (Недзвецкий 2010: 114-115, Гузь 2008: 97). Но, самое важное было то, что Илья Обломов в этом пространстве мог достичь желанного ему покоя и сохранить свою центральную позицию и чувство уникальности. Робость его характера, безответственность, бессилие, неспособность и нежелание интересоваться практическими делами привели к разрыву его роман с Ольгой Ильинской, которая с грустью заметила, что Илья Обломов «уж давно умер» (Гончаров 1979: 356). На слова Ольги Ильинской о том, что нет имени тому злу, которое его уничтожило, он ответил, что это зло именно «обломовщина». Болезнь, которая захватила его после разрыва, указывает на то, что Илья Обломов знал, от чего отказывается – его мечта о жизни с Ольгой Ильинской в Обломовке

разрушилась. Но, одновременно, его состояние после разрыва подчёркивает и его положительные черты, поскольку он страдал и оттого, что повредил Ольгу Ильинскую. Через год после романа с ней читатель встречает Илью Обломова уже погруженным в быт Выборгской стороны. Агафья Пшеницына, у которой развилась любовь к Илье Обломову, заботится о нём, делая всё, чтобы ему было удобно, причём своим безустанным трудом она одновременно ему противопоставляется. В отличие от Ольги Ильинской, которая в нём видела его ум и потенциалы, стараясь помочь ему поощрением духовно-нравственного совершенствования и включением его в более динамический мир, Агафья Пшеницына в нём видела настоящего русского барина, желая помочь ему обеспечением его покоя, что лишь ускорило его духовную, но и физическую смерть. Кроме того, Ольга Ильинская своими требованиями нарушала его исключительность и центральное его положение, что повлияло и на его самолюбие (Недзвецкий 2010: 141; Пинженина 2011: 91-92). Обладая «огромной внутренней свободой» (Мэла 2011: 36), он не хотел жить чужой жизнью и делать то, от чего годами отгораживался. Ольга Ильинская искала от него не только духовного труда, а и практического, что приблизило бы его к людям, которые он критиковал. Значит, в то время как Ольга Ильинская приносит жертвы, ожидая что-то взамен, Агафья Пшеницына, в доме которой Илья Обломов снова занял центральное место, приносит жертвы и не ожидает от него, как барина, ничего (Гузь 2008: 193; Пинженина 2011: 95-96), что ему даёт возможность увлекаться покоем. В образе трудолюбивой Агафьи Пшеницыной он видел «идеал того необозримого, как океан, и ненарушимого покоя жизни, картина которого неизгладимо легла на его душу в детстве, под отеческой кровлей» (Гончаров 1979: 371). Устремление его природы к покою наконец победило, и он сознательно отказался от осуществления поэтического идеала жизни в таком образе, о котором он о нём мечтал. Его идеал жизни, который вращался вокруг реализации обособлено-эгоистического счастья, следовательно, только отчасти осуществился. Покой, как центральная часть его фантазии, в рамках узкого семейно-домашнего образа жизни был достигнут, но в хозяйственно-практическом союзе с Агафьей Пшеницыной, на которой Илья Обломов женился, он отдаляется от духовного труда, который стал составной частью его поэтического идеала жизни после того как познакомился с Ольгой Ильинской, и всё больше приближается полному духовному сну (Молнар 2012: 177, 179; Недзвецкий 2010: 130-131).

И у него не рождается никаких самолюбивых желаний, позывов, стремлений на подвиги, мучительных терзаний о том, что уходит время, что гибнут его силы, что ничего не сделал он, ни зла, ни добра, что празден он и не живёт, а прозябает (Гончаров 1979: 372).

Самому Илье Обломову было ясно, что его идеал не осуществился полностью, но он с этим примирился. Он знал, что в Обломовку никогда не вернётся, и что назначение человека о духовно-нравственном совершенствовании никогда не выполнит.

Вглядываясь, вдумываясь в свой быт и все более и более обживаясь в нём, он, наконец, решил, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеал его жизни осуществился, хотя без поэзии, без тех лучей, которыми некогда воображение рисовало ему барское, широкое и беспечное течение жизни в родной деревне, среди крестьян, дворян (там же: 459).

Он отдаляется от вопросов долга и назначения, считая, что дошёл до конца. Ему достаточно было то, что сделал попытку измениться, но это пропало и как бы доказало ему, что он измениться не может (Молнар 2012: 180). Воспоминания о том, что пропало, и мысли о всём, что он не мог осуществить, лишь иногда в нём возникали и заставляли его страдать, но «с годами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками [...]» (Гончаров 1979: 460). Приведенная цитата чётко указывает на то, что он большей частью сам виноват в том, что потратил свои потенциалы, свою жизнь. Это подчеркнул и Андрей Штольц, когда увидел своего друга, погруженного в «выборгскую обломовщину», символом чего является его совсем поношенный халат. Илья Обломов свою вину не понимает, считая, что ему было предназначено жить такой жизнью, в которой он не участник и субъект, а зритель и объект. В его сознании именно судьба является той силой, которая двигает его жизнь, что полностью можно отнести к деревенскому мировоззрению. В соответствии с этим, Андрей Штольц указывает не только на возможность человека управлять собственной жизнью, но и на отрицательное влияние деревенско-помещичьего уклада жизни. Он говорит Илье Обломову, что он «своё умение потерял ещё в детстве, в Обломовке, среди теток, нянек и дядек. Началось с неумения надевать чулки и кончилось с неумением жить» (там же: 380). Стараясь помочь своему другу, он даже обнаружил обман Михея Тарантьева и Ивана Мухоярова, которые воспользовались неспособностью Ильи Обломова и брали у него деньги. Андрей Штольц

также взял на себя обязанность преобразования Обломовки и поощрял Илью Обломова вернуться в родную деревню, где всё было решено. Но он и от этого отказался. В последний раз, когда Андрей Штольц, под влиянием Ольги Ильинской, на которой он женился, постарался оторвать его от неподвижности и сна, Илья Обломов ему сказал следующие слова: «Что ты хочешь делать со мной? С тем миром, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь две разорванные половины. Я прирос к этой яме больным местом: попробуй оторвать – будет смерть» (там же: 468). Илья Обломов не понимал, что именно его ущербный образ жизни приносит ему быструю смерть. Около семи лет он был в браке с Агафьей Пшеницыной, в котором родился их сын Андрей, назван так в честь Штольца, и наконец Илья Обломов умер так, как жил – во сне, в покое. Чтобы маленький Андрей не испытал ту же самую судьбу, которую испытал его отец, Ольга Ильинская и Андрей Штольц взяли на себя ответственность его воспитания. Несколько лет после смерти Ильи Обломова, Андрей Штольц встретил Захара, который без своего барина заблудился. Слова Захара ясно свидетельствуют об общественных переменах того времени.

Все не то теперь, не по-прежнему; хуже стало. В лакей грамотных требуют; да и у знатных господ нет уж этого, чтоб в передней битком набито было народу. [...] Сапоги сами снимают с себя: какую-то машину выдумали! [...] Срам, стыд, пропадает барство! (Гончаров 1979: 476).

Что касается Обломовки, она началась меняться ещё тогда, пока Илья Обломов был живым. Построение дороги, которая приблизила бы Обломовку к другим деревням, торговым местам, городам, и которой Илья Обломов сопротивлялся, было решено, чем Обломовка потеряет то свойство, которое ей давало возможность сохранить особенный образ жизни – свою изолированность. Она станет железнодорожной станцией, там построят школу, крестьяне будут просвещаться, и это всё показывает, что Илья Обломов, даже если бы в неё вернулся, не мог бы осуществить свой идеал жизни. Можно отметить, что смерть старой Обломовки и Ильи Обломова символизирует то, что деревенско-барский уклад жизни, действительно, изжил себя, но надо иметь в виду, что новые течения, которые охватывают и деревню, включают в себя как положительное, так и отрицательное воздействие.

10. Заключение

В романах *Обыкновенная история* и *Обломов* Иван Александрович Гончаров, занимаясь темой перехода молодого помещика из деревни в город и влиянием обоих пространств на личность человека, анализирует актуальные проблемы своего времени, связанные с процессом модернизации. Поставив в центр своих романов проблему «застоя» и «развития», идеализма и рационализма, феодализма и раннего капитализма, постоянства и движения, Гончаров указал на сложность процесса модернизации, причём именно противопоставление двух резко отличающихся друг от друга пространств – деревни и города, показывает, что категории «отсталости» и «прогрессивности», связанные с данным процессом, являются неоднозначными. Воспитание в деревне, в изоляции от остального мира, действительно, может оказать влияние на укрепление в герое нежности, эмоциональности, кротости, гуманности и добродушия, но молодой человек в обстановке крайней заботливости и защищённости может даже духовно «заснуть». Кроме того, деревня у героя развивает искривленное мировоззрение, что затрудняет ему подготовиться к жизни вне деревенского пространства и стать исполнителем требований новых течений. Городская среда, с другой стороны, укрощает излишнюю эмоциональность и склонность к мечтательности, приучая героя к труду, предприимчивости, ответственности и рациональности, основным качествам нового времени, которыми человек должен обладать, в первую очередь, для экономико-технологического развития страны. Но, хаотичное деловое городское пространство влияет также на развитие хладнокровия, расчётливости, аморальности – характеристик, которые невозможно считать прогрессивными. А именно, постоянная беготня за чинами, деньгами и пустыми развлечениями отдаляет людей от человечности, лишая их индивидуальности и превращая их жизнь в механическое существование без смысловой, высокой цели. Значит, отсталость деревни, прежде всего, относится к тому, что её уклад жизни не способствует развитию тех сил у героя, которые нужны для выполнения требований нового времени. С другой стороны, город может повлиять на вырождение героя, и несмотря на прогресс на внешнем плане, он может остановить его внутреннее развитие. Ясным является, что надо примирить два, по своей сути, противоположных начала и образа жизни, результатом чего была бы гармоничная личность, обладающая лучшими характеристиками, которые в ней

укрепили бы оба начала – деревенское, женское и городское, мужское, и оба образа жизни – жизнь-покой и жизнь-движение. К тому выводу пришёл и Гончаров, который понимал необходимость исторической перемены для развития цивилизации и поддержал её, но также указывал на возможные опасности, которые она приносит. Он одновременно указывает на то, что и отгораживание человека от мира и изменений может уничтожить его духовную жизнь и богатство его личности. Стараясь объяснить свой взгляд на тогдашнюю реальность, Гончаров описывает два типа – тип идеалиста-провинциала и тип городского человека, практического деятеля. Представители первого типа, Александр Федорович Адуев и Илья Ильич Обломов, отгораживаясь от суетного городского пространства, стремились в городе сохранить свою исключительность, индивидуальность и центральное положение, но в то же самое время они столкнулись с внутренней борьбой, которая у каждого из них имела свой характер и окончилась по-разному. Чувствуя давление города, Александр Адуев переживает глубокий душевный кризис и, под влиянием деятельного и рационального Петра Адуева, постепенно превращается из романтика в пассивного человека, лишённого жизненной энергии и тратящего свои потенциалы, став наконец хладнокровным и расчётливым практическим дельцом. С другой стороны, вялая попытка Ильи Обломова стать более активным физически и душевно была неудачной, и устремление его природы к покою одержало победу над устремлением к духовно-нравственному совершенствованию, требующему от него участвовать в том образе жизни, который его, из-за наличия обязанностей и тревог, не устраивает. Несмотря на существующие различия их характеров и внутренней борьбы, они оба наконец духовно погасли, причём, можно сказать, что город покорила Александра Адуева, а деревня Илью Обломова. Но, в то время как Александру Адуеву удалось преодолеть свои слабости и выжить, Илья Обломов своим слабостям полностью отдался, в результате чего он и физически умер. В соответствии с этим, надо отметить, что деревня и город, действительно, влияют на героя, но он сам управляет своей жизнью. Человек, вообще говоря, сам должен найти силу вырваться от отрицательного влияния актуального времени и окружающей среды, в которой находится, впитывая одновременно и положительные их элементы и совершенствуя свою личность, на что указывает именно образ Андрея Ивановича Штольца, близкого друга Ильи Обломова.

11. Литература

- Войводич, Ясмينا (2014) *Семиотика города в романах И. А. Гончарова*. В: Пильщикова, И. А. (ред.) *Семиотика города. Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете*. Таллинн: Издательство Таллиннского университета, с. 190-204.
- Гончаров, Иван Александрович (1979) *Обломов. Роман в четырёх частях*. Минск: Беларусь.
- _____ (2003) *Обыкновенная история*. Москва: Дрофа; Вече.
- Гузь, Наталия Александровна (2008) *Художественный мир романов И.А. Гончарова*, изд. 2-е. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина.
- Краснощекова, Елена Александровна (2011) «Незрелый юноша» – ведущий персонаж романов «Обломов» и «Обрыв». В: Денисенко, С. В. (сост.) *Обломов. Константы и переменные. Сборник научных статей*. Санкт Петербург: Нестор история, с. 53-56.
- Лотман, Лидия Михайловна (1982) *И.А. Гончаров*. В: Пруцков, Н. И. (отв. ред.) *История русской литературы в 4-х томах. Расцвет реализма (Том 3)*. Санкт Петербург: Наука, с. 160-202.
- Молнар, Ангелика (2012) *Поэзия прозы в творчестве Гончарова*. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения.
- Мэла, Элен (2011) *Лень Обломова: Блеск и нищета утраченной полноты*. В: Денисенко, С. В. (сост.) *Обломов. Константы и переменные. Сборник научных статей*. Санкт Петербург: Нестор история, с. 30-38.
- Недзвецкий, Валентин Александрович (2010) *Роман И.А. Гончарова «Обломов»*. *Путеводитель по тексту*. Москва: Издательство Московского университета.
- Пинженина, Екатерина (2011) «И утопия-то у тебя обломовская...»: мечта об обломовском мире в романе И.А. Гончарова «Обломов». В: Ковтун (отв. ред.) *Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX - XX веков*. Москва: Флинта; Наука, с. 85-98.
- Строганов, Михаил Викторович (2011) «Обломов» как энциклопедия народной культуры. В: Денисенко, С. В. (сост.) *Обломов. Константы и переменные. Сборник научных статей*. Санкт Петербург: Нестор история, с. 39-52.

Čaldarović, Ognjen (1985) *Urbana sociologija: socijalna teorija i urbano pitanje*. Zagreb: Globus.

Flaker, Aleksandar (1965) *Ruski klasici XIX stoljeća*. Zagreb: Školska knjiga.

_____ (1976) *Stilske formacije*. Zagreb: Liber.

Hansagi, Agnes (2013) *Opisi velegrada u mađarskome feljtonističkom romanu u drugoj polovici 19. stoljeća*. U: Oraić-Tolić, Dubravka (ur.); Kulcsar Szabo, Erno (ur.) *Imaginacije prostora: Centri i periferije – metropole i provincije u književnostima i kulturama Srednje Europe*. Zagreb: Disput, str. 39-54.

Mumford, Lewis (1968) *Grad u historiji: njegov postanak, njegovo mijenjanje, njegovi izgledi*. Preveo Vladimir Ivir. Zagreb: Naprijed.

Nemec, Krešimir (2010) *Čitanje grada: urbano iskustvo u hrvatskoj književnosti*. Zagreb: Naklada Ljevak.

Интернет-источники

Фрейд, Зигмунд. *Толкование сновидений*. Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/60736/10/Freiid_-_Tolkovanie_snovideniii.html (20 марта 2018).

Царикаева, С.С. (2007). *Провинциальное дворянство России*. Режим доступа: <http://nashasreda.ru/provincialnoe-dvoryanstvo-rossii/> (10 января 2018).

Чистяков, А.Ю (Санкт-Петербург энциклопедия). *Население*. Режим доступа: <http://www.ensspb.ru/object/2804035787?lc=ru> (13 января 2018).

Sažetak

U romanima *Obična pripovijest (Obyknovennaja istorija, 1847.)* i *Oblomov (1859.)* Ivan Aleksandrovič Gončarov bavi se aktualnim problemima sredine 19. stoljeća koji se mogu povezati upravo s procesom modernizacije. Tematika prijelaza mladog vlastelina iz sela u grad te utjecaja obje sredine na ličnost čovjeka poslužila je pritom Gončarovu kao osnova za analizu pitanja „zastoja“ i „razvoja“, idealizma i racionalizma, feudalizma i ranog kapitalizma, stagnacije i kretanja, čime je autor ukazao na složenost procesa modernizacije i uz njega vezanih pojmova „zaostalosti“ i „progresivnosti“. S obzirom na to, u okviru ovoga rada, koji se fokusira na opoziciju između sela i grada, nastoji se objasniti da obje sredine mogu utjecati i pozitivno i negativno na karakter i ponašanje junaka. Prema tome, kao što zaostalost ne možemo vezati samo uz selo, tako progresivnost ne možemo vezati samo uz grad. Odgoj na selu, u izolaciji od ostatka svijeta, može kod junaka imati utjecaj na razvoj nježnosti, emocionalnosti, blagosti i humanosti, ali u okolnostima u kojima se drugi stalno za njega brinu i ne dopuštaju mu biti samostalnim, on može čak duhovno „usnuti“. Uz to, odrastanje na selu utječe i na razvoj iskrivljenog pogleda na svijet, što junaku otežava pripremu za život izvan te sredine i razvoj onih sposobnosti koje nova kretanja od njega zahtijevaju. S druge strane, grad ukroćuje pretjeranu emocionalnost i sklonost k maštanju te junaka potiče na rad, poduzetnost, odgovornost i racionalnost, ali naglasak na karijeru, zaradu, status i ispraznu rasonodu razvija u osobi proračunatost, amoralnost i hladnokrvnost te ju udaljava od čovječnosti, lišava individualnosti i pretvara njezin život u mehaničko postojanje bez smislenog, značajnog cilja. U skladu s tim, iznoseći svoj pogled na tadašnju realnost, Gončarov u oba romana izdvaja dva tipa – tip idealista-provincijalca i tip gradskog čovjeka – poduzetnog djelatnika. Ograđujući se od kaotične gradske sredine, predstavnici prvoga tipa – Aleksandr Adujev i Il'ja Oblomov – težili su očuvanju svoje posebnosti, individualnosti i centralne pozicije, ali istovremeno su se suočili s unutarnjom borbom. Aleksandr Adujev, osjećajući pritisak grada, proživljavao je duboku duševnu krizu i, pod utjecajem svojeg ujaka, poduzetnog i racionalnog Pjotra Adujeva, on se postupno pretvara iz romantičara u pasivnog čovjeka, koji je izgubio životnu energiju i tratio svoje potencijale, da bi konačno postao hladnokrvan i proračunat gradski čovjek. S druge strane, slabi pokušaj Il'je Oblomova da postane fizički i duševno aktivniji završio je neuspjehom, i on je potpuno utonuo u „oblomovštinu“. Naime, njegova težnja k ostvarenju spokoja nadvladala je težnju k duhovno-moralnom usavršavanju koje je od njega zahtijevalo da postane sudionik načina života punog

obveza i briga, od kojih je on bježao. Unatoč razlikama u karakteru i unutarnjoj borbi Aleksandra Adueva i Il'je Oblomova, oni su obojica u konačnici duhovno zamrli – grad je pokorio Aleksandra Adueva, a selo Il'ju Oblomova. Ipak, dok je Aleksandr Adujev uspio nadvladati svoje slabosti i preživjeti, Il'ja Oblomov svojim se slabostima u potpunosti predao, što je dovelo i do njegove fizičke smrti. Gončarov je u *Običnoj pripovijesti* i *Oblomovu* ukazao na to da selo i grad zaista utječu na čovjeka, ali čovjek sam upravlja svojim životom. On mora sam nastojati pronaći snagu da se izvuče iz negativnog utjecaja aktualnog vremena i sredine u kojoj se nalazi, upijajući istovremeno pozitivne elemente i usavršavajući time svoju ličnost, na što ukazuje primjer Andreja Stolza, bliskog prijatelja Il'je Oblomova.

Ključne riječi: Ivan Aleksandrovič Gončarov, sredina 19. stoljeća, *Obična pripovijest*, *Oblomov*, Aleksandr Adujev, Petar Adujev, Il'ja Oblomov, Andrej Stolz, opozicija „grad – selo“, tip gradskog čovjeka, tip provincijalca-idealista, transformacija glavnog lika, „oblomovština“.

Ключевые слова: Иван Александрович Гончаров, середина 19-ого века, *Обыкновенная история*, *Обломов*, Александр Адуев, Пётр Адуев, Илья Обломов, Андрей Штольц, оппозиция «город – деревня», тип городского человека, тип провинциала-идеалиста, трансформация главного героя, «обломовщина».

Životopis

13. rujna 1992. – rođena u Puli, Istarska županija, Republika Hrvatska

Osnovna škola:

1999./2000. – 2006./2007. – Osnovna škola Jurja Dobrile Rovinj

Srednja škola:

2007./2008. – 2010./2011. – Srednja škola Zvane Črnje Rovinj, smjer: Opća gimnazija

Fakultet:

2011./2012. – započet preddiplomski studij na Filozofskom fakultetu u Zagrebu, smjerovi:
Povijest i Ruski jezik i književnost

2014. – završen preddiplomski studij na Odsjeku za povijest (univ. bacc. hist.)

2014./2015. – započet jednopredmetni diplomski studij na Odsjeku za povijest – Moderna i
suvremena povijest

2015. – završen preddiplomski studij na Odsjeku za istočnoslavenske jezike – Ruski jezik i
književnost (univ. bacc. philol. russ.)

2015./16. – započet diplomski studij na Odsjeku za istočnoslavenske jezike i književnosti –
Rusistika – Prevoditeljski smjer

Dostignuća:

2008. – osvojeno 1. mjesto na Županijskom natjecanju iz povijesti

2008. – sudjelovanje na Državnom natjecanju iz povijesti

2009. – osvojeno 1. mjesto na Županijskom natjecanju iz latinskog jezika

2009. – osvojeno 1. mjesto na Županijskom natjecanju iz povijesti

2009. – sudjelovanje na Državnom natjecanju iz povijesti

2010. – osvojeno 2. mjesto na Županijskom natjecanju iz povijesti

2015./16. – nagrada za izvrsnost nakon završenog preddiplomskog studija ruskog jezika i
književnosti